

Смерть в Сонагачи

ПОБЕДИТЕЛЬ
TATA LITERATURE
LIVE FIRST
BOOK AWARD

Рижула
Дас

18+

Большая проза

Рижула Дас

Смерть в Сонагачи

«РИПОЛ Классик»

2021

УДК 821.111
ББК 84(8Нo3)6-44

Дас Р.

Смерть в Сонагачи / Р. Дас — «РИПОЛ Классик»,
2021 — (Большая проза)

ISBN 978-5-386-14915-4

Три женщины. Их чувства и надежды. Одна маленькая смерть. И правдивая изнанка района «красных фонарей» Калькутты. Пронзительный и откровенный роман, построенный вокруг жизни низших индийских каст и загадки одного убийства.

УДК 821.111
ББК 84(8Нo3)6-44

ISBN 978-5-386-14915-4

© Дас Р., 2021
© РИПОЛ Классик, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	31
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	43
Глава 14	47
Глава 15	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Рижула Дас

Смерть в Сонагачи

RIJULA DAS

A Death in Shonagachhi

A Death in Shonagachhi © by Rijula Das, 2021

By agreement with Pontas Literary & Film Agency

© Литвинова И. А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

Глава 1

Лали выучила слово «фантазия». И это вызывало жгучую ревность у Тилу, хотя он и не мог толком объяснить почему.

Тилу Шау, малоизвестный автор эротической прозы, навещал Лали вот уже почти шесть месяцев – каждую вторую среду – с тех пор, как продажи его книг и сопутствующая шумиха стали приносить ему достаточно денег, чтобы оплачивать услуги Лали. Тщедушный, из тех, на кого без слез не взглянешь, он не вызывал интереса у противоположного пола. Впрочем, теперь это не имело для него значения, но он все еще помнил, как у него, школьника, щемило сердце, когда симпатичная девчонка проходила мимо, не устаивая его даже взглядом. Вот как Лали сейчас – стояла, прислонившись к дверному косяку, и курила сигарету, отвернув от него лицо.

Не так давно он прочитал книгу о тайнах человеческой психики. Так вот, там говорилось, что все берет свое начало из детства. И хотя Тилу не мог винить свою мать в чем-то большем, чем затрепанные и некоторое пренебрежение, он просек, что теперь принято списывать на матерей все огрехи повзрослевших детей. И предположил, что его собственные проблемы начались с того, что мать не могла с точностью вспомнить, в какой момент ее двухдневных родовых мук крошечное сморщенное тельце Трилокешвара Шау коснулось земли. Ну, не то чтобы коснулось земли, а попросту плюхнулось в руки пышногрудой повитухи со смешными кроличьими зубами, а та скривила нос, закусила нижнюю губу и произнесла гнусавым фальцетом: «Эхма», прежде чем поднять его повыше и показать матери, которая – он не сомневался – хрипло квакнула. Такая музыка сопровождала его появление на свет, задавая фоновую партитуру на всю оставшуюся жизнь. Тем не менее отец гордился им – как же, первый наследник мужского пола и все такое. Со временем родительская гордость уступила место горькому разочарованию, но в момент рождения сына переполненный эмоциями отец навязал ему имя Трилокешвара – бога трех царств. Фамилию, однако, исправить было невозможно. Впрочем, в наши дни принадлежность к низшей касте имела всевозможные преимущества. По крайней мере, сын получит государственную работу по какой-нибудь благотворительной квоте – так рассуждал отец Тилу.

Мало того что Тилу потерпел впечатляющую неудачу при получении столь желанной работы, он еще взялся пописывать эротические новеллы в опасно нежном возрасте. Наконец Тилу захотел применить свои теоретические знания на практике. Поскольку он не был принцем, понятия не имел о том, как разговаривать с женщинами, и обладал всем очарованием жареных объедков, традиционные способы ухаживания обычно приносили ему оплеухи тапкой и залп угроз как от объекта внимания, так и от скопища местных головорезов, папаш и плешивых стариков.

После нескольких сокрушительных фиаско Тилу сделал то, что делал в Калькутте каждый неудавшийся Ромео. Как-то ранним вечером, облачившись в преимущественно белую пижаму-панджаби, Тилу встал перед храмом Динатарини Маа Кали и, несколько раз пробормотав «Ма, Ма», трижды постучал лбом о священный пол, покрытый въевшейся грязью. Потом решительно направился к покореженному банкомату в душном отделении банка Барода и снял небольшую сумму наличных, для надежности припрятав ее в правом переднем кармане трусов Рупа. Он огляделся вокруг, но на улицах столичной Калькутты взрослые мужчины сплошь и рядом засовывали руки в штаны, так что никто не обратил на него никакого внимания.

Его первый визит в Сонагачи стал и приключением, и битвой. Он слышал, как название этого квартала шепотом звучало в темных закоулках, порождая какое-то странное возбуждение, которое Тилу в силу своей девственности не понимал. Он был не из тех, кто уверенно захакивал в знаменитый район красных фонарей. Но, преодолев природную застенчивость, все-таки нырнул в незнакомые воды и, бултыхаясь вместе с отбросами, приплыл к двери Лали, после чего больше не оглядывался назад.

Все это случилось очень давно. С тех пор Лали ушла далеко вперед и выучила слово «хвантазия». Ее рот причудливо складывался, когда произносил это слово, и она опускала подбородок и намеренно сексуально выгибала шею, а ее верхняя губа кривилась в мимолетной полуулыбке, обнажающей резец. Все это заводило Тилу. В тот вечер прямо с порога Лали заставила его прежде заплатить за то, что она назвала «хвантазией специаль».

– С каких это пор? – удивился он.

В конце концов, он навещался к Лали вот уже несколько месяцев. Каждую вторую среду, точно по расписанию, и всякий раз, как только появлялись лишние деньги. Но в этот вечер, когда он пришел ровно в семь часов, Лали вздернула нос (невиданная наглость!) и затянулась сигаретой. Да еще и заявила, что ему придется доплатить за услуги. Просто возмутительно. На него уже давно распространялся тариф для постоянных клиентов, а тут нате вам. Требуют почти вдвое больше. Вот сука.

– Но почему? – спросил он, на что она ответила:

– Секс с хвантазией обойдется тебе дороже.

Тилу никогда и подумать не мог, что его особые сексуальные пристрастия подпадают под категорию «хвантазии». Он решил не придирается к произношению Лали. Если она и коверкала это слово, бог с ней, это ее дело. Но Лали принялась рассказывать ему о своих новых тарифах: «фантазия легкая», «фантазия особая», «фантазия даблдекер». Он был почти уверен, что она все это выдумала, но спорить с Лали не входило в его планы на вечер. В наступившей тишине, пока Тилу боялся спросить, что подразумевала последняя категория, Лали воспользовалась возможностью сообщить ему, что все то, чем они занимались до сих пор, соответствовало тарифу «особой фантазии», а потому он задолжал ей около нескольких тысяч. Сердце оборвалось. Тилу всегда знал, что между его бумажником и пенисом существует магическая связь. В тех редких случаях, когда ему платили, он вполне осязаемо радовался встрече с Лали.

Все это в сочетании с выражением абсолютного благоговения, застилавшего взор Тилу, когда он украдкой поглядывал на вызывающее декольте прелестницы (не то чтобы Тилу осознавал это, но женщины умело подмечают такие слабости и хранят их в памяти для будущего использования), наделяло Лали бесконечной властью над ним. Разумеется, она не испытывала к нему никакого уважения. Тилу полагал, что его верность льстит Лали. Но романтическая преданность обернулась неприятными последствиями. Хотя одно присутствие Лали могло обеспечить Тилу пожизненную эрекцию, вдумчивостью своих приготовлений он рассчитывал заслужить особое отношение к себе, если в мире существует хоть какая-то справедливость. К сожалению, ничего подобного не произошло. И Лали относилась к Тилу с презрением сильного к слабому. Она не считала нужным угождать ему. Ей достаточно было лишь приспустить свое сари, и он уже возносился на вершину блаженства.

Безразличие Лали прожигало дыру в бедном сердце Тилу, но никогда еще не жалило так сильно, как в тот вечер, когда она совершенно бесстыдно, посасывая сигарету, потребовала двойную ставку. Гребаная фантазия! Вечная проблема с этими иностранными словами – стоит назвать что-то по-английски, как оно тут же обходится намного дороже. Тилу попытался выбросить эти мысли из головы, но от жгучей обиды заныло сердце. Долгие месяцы беспредельной верности – и никакого снисхождения, даже пятипроцентной скидки. Вдогонку пришла ревность – не накатила приливной волной, чего он боялся, но засочилась, как те струйки воды из протекающего крана, что слышал он каждое утро и каждую ночь на помойке, которую называл домом.

– Кто научил тебя этому слову? – спросил Тилу.

Она огрызнулась – мол, не твое дело.

Зря она так сказала. Тилу пытался, но не мог сосредоточиться.

– Что за сукин сын научил тебя этому слову – даблдекер?¹

Она увильнула от ответа. Просто заявила, что он должен заплатить за то, что получает, и что в мире нет ничего бесплатного. Тем более что с ней никто не сравнится.

Тилу знал, что это правда. Она умело манипулировала фактами. Но почему никогда раньше ей это не приходило в голову? Она с радостью делала то, что он хотел, за обычную плату. До сих пор.

Лали ухватила его кошелек и стиснула что есть силы. Тилу захныкал. В его глазах стояли слезы, а на ее лице застыло презрение. Он уже и сам не знал, от чего плачет – от удовольствия или от боли. Почему он должен любить мерзкую сучку? На эти деньги он мог бы питаться получше. Видит бог, денег было не так уж много. Под протекающей крышей в дождливые дни ему приходилось передвигать кровать в своей камере, где едва бы поместились сразу две ящерицы. Ему стало жаль самого себя. В конце концов, кто-то же должен его пожалеть.

Дрожа от неуверенности, тяжело дыша, он крикнул ей:

– Khaanki maagi, chutiya magi – шлюха!

Она влепила ему пощечину, после чего схватила за шею. Даже утопая в водовороте ярости и жалости к себе, Тилу остро осознавал ее красоту; это осознание пронзало туман его боли. Как осенняя богиня оседлала льва, так она оседлала его – Трилокешвара Шау, ничтожное подобие чего бы то ни было. Она ослепляла своим великолепием: черно-коричневая кожа блестела, темные пряди смазанных маслом волос спускались по спине и падали ему на пупок, груди свободно свисали, когда она двигалась. Она потянулась к его горлу и укусила, как будто хотела пустить кровь, сжимая зубы все сильнее. Он не мог дышать. Она улыбнулась, словно проявляя милосердие. Той пощечиной она могла запросто оставить его без зуба. Предательский голосок нашептывал ему, что двойная ставка все-таки того стоит. От боли и удовольствия Тилу заскулил и вздохнул, но тут за стенкой раздался истошный вопль, возвещающий о кровавом убийстве.

Лали сорвалась со своего скакуна быстрее, чем происходит семяизвержение у четырнадцатилетнего подростка. Сбитый с толку и почти достигший оргазма, Тилу с трудом напомнил себе, что нужно дышать. Он последовал за Лали, когда она, спешно накидывая на себя халат, выскочила за дверь. Тилу застыл на пороге, голый, ошеломленный; спина Лали загораживала ему обзор. И тут он увидел кровь, медленной струйкой текущую к ступням Лали. Она повернулась и оттолкнула его в сторону.

– Вали отсюда, живо, – прошипела она ему в лицо. С выпученными глазами и распахнутым ртом, она напоминала дохлую рыбину на прилавке торговца. – СЕЙЧАС ЖЕ!

Начинали собираться люди. Он схватил свою одежду и выбежал из лачуги Лали, смущенный и напуганный. И так, нагишом, прижимая к груди ворох тряпья, Трилокешвар Шау промчался по улице, прежде чем исчезнуть в еще более темных закоулках Сонагачи.

Что же все-таки произошло? Он слишком боялся Лали, чтобы спросить. Ему было стыдно за собственную трусость, отсутствие мужественности, неспособность справиться с трудной ситуацией. До него вдруг дошло, что, даже несмотря на холод и наготу, пробежку по кварталу шлюх после того, как его выгнала женщина, которую он любил беззаветно и безнадёжно, у него все еще сохранялась сильная эрекция. В выжженной глубине истерзанного сердца шевелилось и осознание того, что, если Лали попала в беду, он, получается, ничем ей не помог.

Тилу Шау остановился и упал на колени. Одиноким, скорчившийся, он изверг семя, а потом немного поплакал о себе на улицах Сонагачи жаркой, душной июньской ночью.

---

¹ Double-decker (англ.) – двухэтажный, двойной. – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 2

Как и многие из тех, кто обладает всемогуществом в ограниченной вселенной, Самшер Сингх любил выставлять это напоказ. Спустя несколько месяцев после того, как его назначили начальником полицейского участка Буртолла² – временного пристанища сутенеров, зазывал, бандерш и мелких хулиганов, населявших преступный мир Сонагачи, – он обустроил для себя индивидуальный клозет. Остальным приходилось довольствоваться общим сортиром, изгаженным вековыми граффити, сигаретными окурками и нестерпимой вонью. Каждое утро он бочком пробирался через жестяную дверь, которая никогда не открывалась полностью, втискиваясь в узкую келью импровизированного туалета.

Стоило ему присесть на корточки, как в блестящую металлическую дверь постучал Наскар. Самому юному из новобранцев приходилось выполнять неприятные поручения.

– Сэр? – осторожно позвал он бархатистым голосом, который больше подошел бы исполнителю романтических баллад.

Самшер хмыкнул. В голосе Наскара проскакивали заискивающие нотки, отчего в каждом слове звучало предложение переспать. И меньше всего Самшеру хотелось слышать этот голос в столь неудобные моменты.

– Что еще? – Он перешел на английский, что позволял себе лишь в тех случаях, когда не считал нужным скрывать свой гнев.

– Э-э-э... сэр, прошу прощения за беспокойство, сэр... Видите ли, сэр, Балок-да попросил меня связаться с вами, сэр, по делу об убийстве, но я не знаю...

Самшер закрыл кран, прежде чем переспросить:

– Что? Убийство?

– Да, э-э-э... сэр, это проститутка.

Самшер спустил воду, заглушая голос Наскара. С минуту он возился с защелкой, которую обычно заклинивало в критических ситуациях. Приглушенно выругался, пнул дверь ногой и выбрался наружу, посасывая кровоточащий указательный палец.

Наскар попытался заполнить тишину. Он многообещающе начал с «хм...», затем перешел к умиротворяющему «сэр», растягивая гласную и модулируя ближе к концу. Под нетерпеливым взглядом Самшера он выпалил:

– Я позову констебля Гхоша, сэр. – И бросился бежать.

Констебль Балок Гхош сделал последнюю затяжку и придавил окуроч биди³ каблуком ботинка.

– Майти уже едет к нам, сэр, – доложил он.

– Но что именно произошло? – спросил Самшер.

– Khoon, сэр. Убийство.

– Жертва?

– Rendi magi, сэр. Проститутка. Шлюха из «Голубого лотоса»... ну, вы знаете это местечко, через дорогу от офиса НПО⁴. Категория «А», высший класс. Одна из девочек мадам Шефали.

Самшер не так уж хорошо знал мадам Шефали, но их пути пересекались в сложном переплетении взяток и договоренностей, которые скрепляли мир Сонагачи. Бандерша управляла

---

² Буртолла – один из районов Калькутты.

³ Биди – тонкие небольшие самокрутки, впервые появились в конце XVIII века в штате Гуджарат на западе Индии.

⁴ НПО – неправительственная организация.

собственным королевством в пятиэтажном здании под названием «Голубой лотос». Никто не смог бы сказать, сколько женщин она там укрывала. В таком квартале, как Сонагачи, где в каждом здании от двух до пяти десятков комнат, а в них – бесчисленное множество девушек, трудно отслеживать, что и где происходит. Мадам достаточно хорошо смазывала машину своего бизнеса, чтобы закон ее не беспокоил. Самшер всегда чувствовал себя неловко перед этой внушительной самодержицей.

– Категория «А» означает, что у нее был сутенер? Кто он такой?

Балок Гхош лишь развел руками, пожав плечами:

– Это мог быть кто угодно – тот же Чинту.

Самшер приподнял бровь, пытаясь вспомнить лицо, которое могло бы соответствовать имени.

– Я вызвал Майти; возможно, это он. В наши дни все девушки имеют мобильные телефоны и в обход сутенеров и посредников заключают собственные сделки. Я слышал, там хватает поводов для вражды. Майти может что-то знать, – объяснил Балок.

Самшер задумчиво кивнул. Сотовые телефоны изменили ландшафт проституции. У девушек появилось окно в мир без сутенера или мадам, так что естественный порядок вещей был нарушен. Эскорт-услуги плодились, как грибы, захватывая в свои сети все больше девиц, и иерархия взяток, прибылей, ставок и сговоров – основа процветания Сонагачи – постепенно менялась. Эскортницы кидали сутенеров или находили клиентов самостоятельно, напрямую заключали сделки с полицейскими.

Балок выждал несколько мгновений и добавил:

– Майти вот-вот будет здесь, сэр. Сегодня он летает довольно высоко, но наверняка что-нибудь да знает.

Рэмбо Майти неловко сидел на казенном стуле с жесткой спинкой, рассеянно уставившись на неизменный портрет Ганди, с улыбкой взирающего на него со стены позади стола Самшера. Он вытащил пачку Marlboro из кармана рубашки и предложил сигарету Самшеру. Очки-«авиаторы» в золотой оправе гость предпочел не снимать.

– Agree saab, не о чем беспокоиться, все знают, что это дело рук Салмана Кхана. – Рэмбо растянул губы в маслянистой улыбке.

Рука Самшера зависла над пачкой сигарет.

– Кинозвезда? Какое он имеет к этому отношение?

– Agree na, сэр, – усмехнулся Рэмбо. – Когда-то был ее клиентом, а потом завязал с ней отношения. Он работал зазывалой на Саддер-стрит, продавал ганджу⁵ и девочек иностранным туристам. Вы наверняка его встречали.

– Нет, не припоминаю.

– О, вы бы сразу вспомнили его, если бы увидели.

Самшер откинулся на спинку кресла и окинул Рэмбо долгим изучающим взглядом. Рэмбо Майти как сутенер находился на подъеме. До недавнего времени он барахтался на мелководье, но Самшер всегда считал его дружелюбным осведомителем, легковесным и довольно-таки неуверенным в себе типом, готовым охотно делиться информацией. Теперь, похоже, дела у него шли неплохо, и он порядком заматерел. Исчезла привычная угодливость нищего, как исчезла и сама нищета. Можно сказать, отныне его каталог приобрел глянцево-лоск. Рэмбо хвастался самой большой коллекцией девственниц-студенток – по крайней мере, Балок обмолвился об этом мимоходом. В прошлом месяце сутенер даже напечатал визитные карточки и с гордостью вручил одну из них Самшеру.

---

⁵ Ганджа – марихуана в Индии.

Наконец Рэмбо снял свои «авиаторы». Самшер с некоторым удовлетворением отметил зеленоватый налет от дешевого металла, окрасивший переносицу. Чему тут удивляться. Раскошелиться на что-то классное – кишка тонка.

– Послушайте, сэр, они сами во всем разберутся. Нет смысла вмешиваться. Такое дерьмо случается раз в месяц – вам ли не знать?

Самшер почувствовал облегчение, хотя и старался не выказывать эмоций. Он, конечно, предпочел бы не вмешиваться. Византийская сеть преступлений, насилия, откатов и взяток разрослась настолько, что к ней не подступиться, да и какой смысл надрываться? Таких начальников, как он, пруд пруди, и никому не было дела до полицейского участка Буртоллы.

– Я вижу, дела у тебя идут неплохо, – сказал Самшер, разглядывая почти полную пачку Marlboro Lights.

– О, это подарок для вас, сэр. – Рэмбо подтолкнул к нему пачку. – Я, когда шел к вам, подумал: «Наш командир любит вкусно подымить. Надо бы его угостить». В конце концов, мы давно не виделись.

– Ты был знаком с этой девушкой? – спросил Самшер, заметив явную нерешительность на лице Рэмбо.

– Вы же знаете, как это бывает, – пролепетал Рэмбо. – Видел ее, конечно. Одна из подопечных мадам Шефали. Красотка, категория «А», как говорится. Зарабатывала хорошие деньги, пока не случилась ноте-банди.

– Чертова демонетизация, – пробормотал Самшер.

Правительство признало недействительными банкноты достоинством в пятьсот рупий, и это решение задело практически все слои населения. Он не мог произнести вслух то, что думает по этому поводу, или даже высказать свои сомнения перед подчиненными. Кто знает, к какой партии принадлежит какая-нибудь сволочь и, что еще важнее, на кого шпионит. По крайней мере, в работе с криминальными элементами этого можно было не опасаться.

– Не беспокойтесь, сэр, я буду на чеку. Как только что-нибудь всплывет, сразу доложу. Но, боюсь, никаких подвижек не будет. Все и так очевидно. Парень приревновал и убил ее, не сомневаюсь. Какой нормальный мужчина согласится, чтобы его девушка занималась... занималась чем-то подобным за деньги.

– Ну... Все бабу⁶ в Сонагачи этим промышляют. И на самом деле получают свою долю.

– Конечно, конечно. Но я не буду держать вас в неведении, сэр, можете на меня положиться.

После того как Рэмбо снова нацепил «авиаторы» и вышел из кабинета, Самшер еще долго сидел в кресле. Он был не из тех, кто быстро соображает, в чем и сам признался бы первым, да от него никогда и не требовали особой смекалки. И вообще, с чего вдруг он озабочился этим убийством? От вышестоящего начальства не поступало ни телефонных звонков, ни распоряжений, никому не было дела, так что и ему не следовало бы дергаться.

Поднимаясь из-за стола, он пнул ногой бездомную дворнягу, которая частенько бродила по полицейскому участку. Шелудивая псина заскулила и отступила за стулья зализывать свои многочисленные раны.

Констебль Балок Гхош тихонько постучал в дверь и просунул голову внутрь. Он все это время подслушивал – вполне ожидаемо, отчего Самшер еще больше злился. Театрально кашлянув, Балок сказал:

– Кислота, сэр. Ублюдок вылил на нее кислоту, а пустую бутылку засунул ей в глотку.

Самшер снова сел, поиграл стеклянной безделушкой в форме шара на своем столе.

---

⁶ Бабу – титул, используемый в Индии, как знак уважения к мужчинам.

– Пока все тихо. Наши парни приехали сразу после того, как это случилось. Смотреть было не на что. Пойду принесу вам чаю, – предложил Балок Гхош.

– Балок-да, – произнес Самшер, не глядя ни на кого и ни на что, – как далеко это зайдет? Констебль устремил взгляд прямо перед собой:

– Нет причин для беспокойства, сэр. Такие вещи, как правило, решаются сами собой.

Самшер кивнул. Он взял пачку сигарет, оставленную Рэмбо, и глубоко вдохнул аромат. Sala, эти английские сигареты пахнут дорого, даже незажженные. Закрыв глаза и улыбнулся, думая о своей жене, ее раздутом животе, нервном возбуждении, явном ужасе смерти и предвкушении славы, игре ва-банк, когда на кону потомство или забвение.

Глава 3

Мохамайя. Так ее звали. Ей было двадцать восемь.

Лали пришлось закрыть дверь, потому что она больше не могла этого выносить. Мохамайя жила по соседству с ней почти год. Прежняя квартирантка сбежала, и Лали так и не узнала, что с ней стало. И вот однажды в комнату заселилась Мохамайя. Поначалу она почти ничего о себе не рассказывала. Позже Лали узнала – отчасти от нее, отчасти от других, – что Чинту нашел ее, когда она бродяжничала возле железнодорожной станции Силдах. Муки голода и нужда в крыше над головой были достаточно сильны, чтобы она последовала за ним в «Голубой лотос». Выглядела она молодо. Лали, конечно, знавала девочек гораздо моложе – среди них были даже семилетние, – но Мохамайя излучала удивительное спокойствие, которое Лали находила непоколебимым. Любое проявление грубости по отношению к ней казалось кощунственным. Девушка напоминала Лали юную невесту, которую она когда-то давно видела в своей деревне. Мохамайя обладала канонической красотой – глаза лани, длинные волосы и светлая кожа; облаченная в красно-золотые шелка, усыпанная драгоценными камнями, такая, как она, могла бы спокойно править процветающим семейством. В ее присутствии Лали хотелось спрятать свои темные руки, угловатое лицо, горькую ухмылку, казалось, навсегда застывшую на губах, подавить ругательства, которые слетали с губ чаще любых других слов.

Мохамайя была добра к ней. Уважительно звала ее Лаал, и в ее мягком голосе слышались нотки искренней привязанности.

Лали вздохнула и покачала головой. Все, что осталось от Мохамайи, растекалось по полу. Из распухшего лица хлестала кровь, как из крана, а в горле застряла разбитая стеклянная бутылка.

Бывало, что Мохамайя исчезала. Она никогда не откровенничала с Лали, но все знали, что она в апартаментах на верхних этажах. Это были особые покои – Лали сама их не видела, но была наслышана; туда водили только тех, кто подчинялся желаниям мадам. Конечно, время от времени она сталкивалась с Мохамайей в лабиринтах «Голубого лотоса». Но Мохамайя лишь вежливо улыбалась и спешила уйти. Лали в такие моменты чувствовала укол ревности – сама она была недостаточно красива для роскошных апартаментов, недостаточно гибка, недостаточно женственна.

Теперь все это казалось таким бесполезным; теперь, когда женщины наперебой расспрашивали о девушке, которая умерла прошлой ночью и так бессердечно привлекла к себе внимание, лежа в луже крови.

– Мохамайя, Мохамайя, Мохамайя, – повторяла Лали, отвечая всем, кто хотел знать имя несчастной. – Мы звали ее Майя.

Лали почти не сомкнула глаз после того, как побывала в комнате Мохамайи. Прежде чем толпа женщин смогла разглядеть то, что было внутри, мадам Шефали забаррикадировала дверь. Плотная стена головорезов мадам – некоторых Лали знала, а многих видела впервые – вытеснила ее, Малини, Амину и остальных из комнаты. До того как закрыли окна и заперли дверь на засов, Лали успела мельком увидеть широкую, уверенную спину мадам Шефали, заслонившую от нее мертвую девушку на полу.

Женщины – среди них и Лали – толпились снаружи, ожидая услышать о том, что произошло. Амина разрыдалась, в то время как Малини кипела от злости и все долбила и долбила в запертую дверь.

Никто не отвечал. Спустя какое-то время незнакомый Лали человек – хорошо одетый мужчина средних лет в очках – спустился по лестнице с верхних этажей «Голубого лотоса»

и очень вежливо попросил женщин разойтись по своим комнатам и убедить всех посетителей уйти.

– Пожалуйста, идите к себе и успокойтесь, – сказал он. – Это трудный момент, но все мы должны сохранять спокойствие, верно? – У него оказался именно тот тембр голоса, который заставил группу нервных и сбитых с толку женщин выполнить, что им велели.

Хотя Малини свирепо зыркнула на него, Лали потянула ее за руку, и та наконец тоже согласилась уйти.

– Теперь уж ничего не поделаешь, – прошептала Лали ей на ухо.

– Конечно, – негодовала Малини. – Они не оставят ничего, что помогло бы нам принять какие-то меры. Я руковожу Коллективом секс-работников; мне необходимо присутствовать на месте преступления. Мадам Шефали не имеет права брать все в свои руки. Замести убитую девушку под ковер, как какую-нибудь грязь! Вот подожди, увидишь, что я сделаю.

Лали с трудом верилось, что Малини или кто-либо другой может хоть что-то предпринять в ситуации с Майей. Девушка мертва, ей уже ничем нельзя помочь. Со временем умрут другие – возможно, не так, возможно, просто канут в болото забвения, где никто не вспомнит их имен или того, как они выглядели. В любом случае следы их пребывания в этом мире исчезнут. Лали хотела бы обладать несокрушимой верой Малини, ее непокорной яростью и упертым оптимизмом, но она хорошо усвоила урок – надеяться не на что, спасения не будет.

Она расхаживала взад и вперед по узкому коридору, соединяющему их комнаты. Подмечала и впитывала в себя всякие мерзости – пятна облупившейся краски, мерцание паутины, полосы пыли, – как будто находила во всем этом противоядие от смерти, талисман, защищающий от воспоминаний о перерезанных глотках.

Сидя на корточках на красном цементном полу, Нимми кормила двух своих детей.

– Эй, ledki⁷. Что ты делаешь? – крикнула она.

Лали повернулась к ней. Дети тарашили глаза, загипнотизированные ее мельтешением по коридору.

– Ты усмирила моих малышей, – сказала Нимми. – Никогда еще мне не удавалось так легко и быстро накормить их.

Лали прислонилась к дверному косяку каморки Нимми. Комнаты в «Голубом лотосе» тесно примыкали друг к другу, каждая представляла собой узкий прямоугольник, достаточный, чтобы вместить кровать и вешалку для одежды. Кровать Нимми, чуть большего размера, была приподнята, покоясь на двух толстых кирпичях. Дети спали под кроватью, когда Нимми обслуживала клиентов. Лали уставилась на женщину. Комната Майи находилась через две двери – и, подумать только, Нимми преспокойно сидела здесь, кормила детей, как будто ничего и не произошло!

– Не принимай это близко к сердцу, – посоветовала Нимми, отрываясь от кормежки.

Лали почувствовала, как вспыхивает гнев. Она отличалась колким нравом и не всегда была приветлива с соседками, но сейчас с ненавистью подумала о том, что Нимми и остальные так легко отмахиваются от ее горя. Она горевала из-за случившегося, но к этому теперь примешивалось и другое чувство: похоже, ничто не могло избавить ее от самолюбия, пусть оно и было не к месту.

– Отдохни – тебе еще понадобятся силы, чтобы выйти на работу после захода солнца, как и в любой другой день, – сказала Нимми, скатывая шарик риса, сдобренный далом⁸, и запихивая его в капризный рот своего мальчугана.

---

⁷ Девчонка (хинди).

⁸ Дал – лущенные бобовые (чечевица или горох) и суп, приготовленный из них. В Индии дал подают как приправу к основному блюду или поливают им рис.

Лали направилась в свою комнату. Духота стояла невыносимая. Влажный жар, казалось, поднимался от неровного цементного пола. «Голубой лотос», здание старой постройки, давно требовал реконструкции. Арендная плата росла с каждым годом, но в Сонагачи все были слишком заняты делами поважнее, чем какой-то ремонт. Мадам Шефали однажды сказала ей: «Здесь дома – как те же женщины. Они предназначены для сдачи в аренду, чтобы на них можно было зарабатывать. На починку просто нет времени». Темные коридоры внутри «Голубого лотоса» с годами становились все более узкими и мрачными, в чем Лали убедилась за то время, что проживала здесь. В комнатах было сыро даже в самый разгар лета. Некоторые девушки, коротая время после полудня, смачивали гамчхи⁹, расстилали их на полу и спали на них. Вечером все принимались за работу в обычном режиме. Из-за жары и пота макияж расплывался на лицах, но поток клиентов не иссякал, и девушки стояли на улице в любую погоду.

Она услышала знакомые смешки за дверью. Маленькая головка в красной бейсболке покачивалась вверх-вниз, руки оживленно жестикулировали, приглашая на выход в мир.

– Эй, Бабуа, – позвала Лали.

Головка дернулась в ее сторону, мальчик подмигнул и улыбнулся. У девятилетнего Бабуа была улыбка взрослого, который разобрался в устройстве этого мира и знал все трещинки, куда можно просунуть лом и, поднажав, взломать его.

– Заходи, – пригласила Лали.

– Ай, Лали-диди¹⁰, дай немного денег, а? Ты так классно выглядишь в последнее время.

Лали шутливо замахнулась на него, как будто хотела сорвать с головы красную бейсболку. Бабуа увернулся, вскидывая руки в защитном жесте.

– Где ты взял эту кепку?

– Турист-иностранец подарил, Лали-диди. Они снимали большими видеокамерами, и все такое. Собираются строить новую школу. – Бабуа рассмеялся.

Истинное дитя Сонагачи. Находчивый паренек, временами дикий, но мудрый не по годам. Молодые мужчины, часто на спор, приезжали в Сонагачи, как некогда отправлялись на сафари. Они не ожидали встретить здесь детей, стариков и женщин, поденщиков или людей, которые просто заняты своими делами и едва замечают идущую полным ходом торговлю телом. Однажды клиент – юноша лет девятнадцати, студент колледжа, судя по тому, что он рассказал Лали, – признался, что был немало удивлен, увидев здесь ребятню и продуктовые магазины. На что Лали ответила: «Так ты же пришел днем. Ночью этого, как правило, не замечают». Она не смогла удержаться и спросила: «А что ты ожидал увидеть там, где женщины занимаются сексом с мужчинами четырнадцать часов в сутки?» Молодой человек покраснел, но Лали не испытала никакого сочувствия к нему – только ноющую злость от его привилегированной невинности.

Бабуа отправился дальше. Обычное для него занятие – ходит по комнатам и заигрывает с женщинами, лестью выманивая у них деньги.

Мигрень опускалась на глаза, словно дождевая туча. Остаток дня Лали провела в постели, но часто вскакивала и расхаживала из угла в угол. Она хотела что-то делать, но не знала, чем себя занять. Ей хотелось кричать, хотелось плакать. Она могла бы пойти к Малини, подговорить ее созвать самити¹¹, или же побегать в ближайший полицейский участок и рассказать им все – о девушке, убитой прошлой ночью, о том, что к утру в комнате погибшей вообще ничего не осталось, будто ее и не было, даже потрепанный плакат с портретом любимой голливудской звезды, что висел у нее на стене, исчез.

---

⁹ Гамчхи – традиционное тонкое грубое хлопковое полотенце, обычно с клетчатым узором. Его используют после купания или вытирают им пот и часто просто носят на плече.

¹⁰ Диди – дословно «сестренка» – в Индии обращение к молодой женщине (нагловатое).

¹¹ Самити – племенное собрание в Индии; слово сохранилось как историзм и подразумевает обычное собрание, сходку.

Но Лали не сделала ничего – она сидела взаперти в своей конуре наедине с пульсирующей болью, взрывающейся в темноте глазниц.

Глава 4

Тилу снился сон. Был март 1495 года, и он спускался вниз по реке Хугли. Кумархатта, Канкинара, Пайкпара, Ичхапур, Ришра, Камархати, Коликата – он шептал названия населенных пунктов, которые медленно, словно ледники, проплывали мимо его барки. Темные воды рябили вокруг, изрешеченные тенями высоких кокосовых пальм. Мужчины, женщины и – да, вот они – дети высыпали на берег, напоминая изношенную человеческую нить. Обожженные солнцем черные тела. На руках у полуголых матерей с большими зубами и острыми скулами, возвышающимися, как плато, над голодными лицами, малышня с раздутыми животами и большими конечностями. Все стоят и наблюдают, как его барка медленно движется вниз по реке. Он посмотрел на свои руки – пухлые, с волосатыми костяшками, унизанные золотыми кольцами, врезающимися в кожу. Сидел и попыхивал кальяном, подкручивая пальцами свои роскошные усы. Кальянщик, бардар, скорчившись у его ног, испуганно смотрел на него снизу вверх. Он легонько пнул мужчину ногой – этого хватило, чтобы тот отполз на некоторое расстояние.

Тилу беспокойно ворочался на старой шаткой кровати в своем полуразрушенном родовом гнезде в Шобхабазаре, менее чем в паре километров к северу от дома и комнаты Лали. В ушах звучала сцена из народного эпоса Манасамангал, произносимая гнусавым певучим голосом давно умершей тетки. Вокруг него кружили скулящие москиты. Непредсказуемо разговорчивые гекконы цокали языками, а тараканы почти что летали по комнате, словно радостные бесстрашные птицы. Он не ворочался – метался на кровати, как будто барахтался в открытом море.

Теперь он видел себя антигероем этого народного эпоса, гордым Чандом Саудагаром, следующим вниз по реке Хугли, чтобы поклониться богине Кали. Сон казался ему неправильным от начала и до конца. Во сне он посмотрел на свои туфли: изысканные персидские тапочки пережимали опухшие ступни; крупные жемчужины и золотая вышивка слепили глаза на солнце. Он повернул свое огромное, толстое тело в одну сторону, затем в другую, встревоженный этим анахронизмом. Вероятно, все происходит в 300 году нашей эры, а может, и раньше – интересно, где он мог найти персидские тапочки в Древней Бенгалии?

Во сне Тилу преследовали поэты, которым историки приписывают создание эпоса Манасамангал. Они парили над его баркой, размахивая гигантскими перьями для письма. Один добавлял деталь здесь, другой ставил росчерк там, и все вместе поэты подталкивали его судно к Шри-Ланке, где шла торговля шелками, драгоценными камнями и специями. Но перед началом путешествия он должен был поклониться темной богине. Не Манасе, болотной богине скользких змей, а обнаженной черной богине Кали из Калигхата (примерно за триста лет до того, как Ост-Индская компания переименовала ее храм в Колегот).

– Колегот, Колегот, – выдохнул Тилу, ворочаясь на кровати, как на богато украшенном корабле.

Он знал, что добром это не кончится. Помнил ведь, как развивалась та самая история. Во власти высокомерия, богатый торговец Чанд Саудагар отказался поклоняться дикой и мстительной болотной богине Манасе. В отместку та послала своих змей, чтобы лишить жизни сына Чанда Саудагара в его брачную ночь.

Тилу плакал во сне из-за сына, которого у него не было. Но сон изменил направление, и с берегов реки Хугли он внезапно перенесся в комнату, где остался наедине с обнаженной женщиной – ее темные волосы развевались нимбом, а змеи ползали по всему телу. Он не мог сказать, была ли это богиня Манаса или все же Кали, но пугающий призрак неумолимо разрастался, пока Тилу не превратился в карлика у женских ног. Он поднял глаза и увидел гигантское

лицо Лали, а тело ее было обвито змеями. Она открыла рот, намереваясь проглотить его, и гигантский красный язык заслонил весь мир.

Тилу проснулся в поту, тихо всхлипывая, и, чтобы прогнать сон, тряхнул головой. Закрывая глаза, он все еще видел перед собой чудовищных размеров лицо Лали, ее алый язык, нависающий над ним.

Он хотел забыть Лали. Сонагачи был слишком опасен для него, и, если начистоту, Лали тоже была опасна. А он не способен противостоять опасности.

Как в тумане, Тилу подошел к умывальнику возле своей комнаты. В далеком прошлом все комнаты на этом этаже соединял узкий коридор. Судебное разбирательство между многочисленными претендентами на дом длилось на протяжении по меньшей мере трех поколений и обещало продолжаться еще довольно долго, в результате чего странные нежилые закутки теперь служили кухнями и туалетами. С каждым поколением число претендентов только росло. Первоначально за единоличное владение домом боролись три брата; поскольку у каждого были дети, а у детей появлялись свои дети, спираль споров закручивалась все сильнее, и городские адвокаты получали солидный доход от клана, который по традиции сражался за все меньшие доли наследства.

Отец Тилу был одним из этих бесчисленных истцов. После смерти жены, матери Тилу, он стал единственным обитателем соседней комнаты. Отец и сын не разговаривали друг с другом вот уже много лет. Тилу как сын был большим разочарованием, о чем его родитель громко и охотно рассказывал любому, кто готов был его слушать. После того как он раздал кучу взяток, чтобы сына приняли на курс машиностроения, Тилу старательно провалил карьеру, сосредоточившись после колледжа на гандже и подрывной поэзии. Тогда отец попытался научить его основам семейного бизнеса по продаже автомобильных запчастей. Но муза Тилу ждала его за дверью родного дома, чтобы отвлечь от всего мирского. Он поссорился с отцом и доконал старика разглагольствованиями о председателе Мао, нахватавшись идей за время своего недолгого студенчества. Отец тотчас указал ему на дверь. Ни один из них не знал, как подступиться к примирению, поэтому оно не состоялось, сгинув в пещерной тишине.

Тилу сочинял стихи, когда учился в колледже. Люди, с которыми он общался в придорожных чайных за воротами университета, обсуждали поэзию и политику, а сам он тихо и хмуро кивал. Периодически устраивались поэтические чтения. Однажды, чтобы заполнить вынужденную паузу перед выступлением знаменитых поэтов, Тилу пригласили почитать собственные стихи перед беспокойной аудиторией на фестивале «Маленький журнал» в Нандане. Над открытой сценой там были натянуты навесы. Ему не забыть лихорадочного восторга тех мгновений, когда он услышал, как диктор выкрикнул его имя.

В списке зачисленных абитуриентов, вывешенном в колледже, услужливо указывали касту каждого студента. И Тилу всегда знал, что, какой бы демократичной ни казалась атмосфера в чайной, как бы ни похлопывали его по спине во время диспутов всякие там Мукхерджи и Чаттерджи¹², эти ребята всего лишь великодушно прощают ему недостаток эрудиции и отсутствие каких-либо серьезных талантов. В поэзии он видел свое спасение. Как ему казалось, каждый листок бумаги с его именем служит талисманом, подтверждением подлинности. Но потом он бормотал строки и обнаруживал пустоту и скудость каждого слова. И снова и снова твердил себе, что не написал ничего важного или ценного. После долгих бесплодных попыток он бросил это занятие. Но оставался верен своей шайке поэтов, одевался, как они, в выцветшие курты кхади¹³ и сандалии, даже отрастил неопрятную бороду. Именно через них он

---

¹² Мукхерджи Чаттерджи – знатные кланы в Индии.

¹³ Кхади – традиционная индийская одежда в виде длинной широкой рубахи без воротника.

познакомился с Амулиаратаном Чакладаром, владельцем издательства «Ма Тара». Чакладар никогда не публиковал поэтических сборников, но предложил Тилу работу.

Он выдал Тилу пять учебников истории, один на английском языке и четыре на бенгали, и велел написать синопсисы глав своими словами, а точнее, сделать справочник. Оплата была ничтожной, срок составлял неделю. «Язык должен быть понятным, – сказал он Тилу. – Если у студента нет открытого словаря под рукой, на черта ему тогда твой справочник». Тилу начал с простого копирования написанного, а затем, как опытный вокалист, повел собственную партию, бросая вызов фактам и пересыпая текст моральными наставлениями, которые направили бы молодежь верным курсом по тернистому жизненному пути.

Он не был поэтом. Но творческая энергия, как газы в животе, рано или поздно дает о себе знать. От лени и только для того, чтобы себя развлечь, Тилу попробовал свои силы в сочинении легких эротических новелл, которыми частенько зачитывался. Сам того не ожидая, он явился в издательство Чакладара еще до истечения положенных семи дней с готовой рукописью справочника. В другом кармане у него лежал черновик «Непослушной невестки». Обливаясь потом, он засунул эти листки между главами о династии Нанда и наследии Чандрагупты Маурьи. Чакладар нахмурился, а спустя час выписал гонорар в пятьсот рупий и шепотом передал заказ на следующую новеллу из серии «Невестка».

Хотя от Чакладара не последовало никакой похвалы, Тилу нашел своего первого поклонника в лице помощника издателя. С помощью эротической литературы, самого прибыльного аспекта бизнеса Чакладара, уступающего лишь оживленной торговле свадебными открытками и бланками меню, Тилу заметно расширил свой и без того нехилый словарный запас. Он все еще удивлялся, когда видел экземпляры своей книги в разных уголках, от пригородных электричек до прилавков питейных заведений. Видимо, что-то такое, придуманное им с трепетом и страхом, действительно существовало в мире. И никто не бросал ему вызов, не говорил, что он не вправе выдумывать подобные вещи. Его опусам дозволялось присутствовать в мире, где он сам чувствовал себя лишним. Это ли не чудо!

Для издательства «Ма Тара» он написал четыре новеллы популярной серии – «Непослушная невестка», «Невестка в лунном свете», «После купания» и «Наступление муссона». В свободное время он даже начал перевод на английский «Невестки в лунном свете», по его мнению, самой романтической и игривой новеллы в тетралогии. Мечтал предложить ее англоязычным издателям, но чем дольше работал над переводом, тем сильнее отчаивался из-за собственной неспособности передать чужими словами магию, которую так искусно создал на стилизованном бенгали.

Тилу часами листал пиратские копии последних бестселлеров в книжных ларьках на Парк-стрит, выискивал старые экземпляры в букинистических магазинах на Колледж-стрит. Его одолевали две навязчивые идеи: Лали и литературная слава. Он мечтал создать что-то настолько грандиозное, настолько эпическое, гениальное по масштабу и литературной смелости, что ошеломило бы мир. Он жил ожиданием этого момента. Неистово штудировал в Национальной библиотеке пыльные тома об ушедшей эпохе и стал совершенно одержим дневниками почивших сахибов¹⁴, их анекдотами о дикой новорожденной Калькутте и ее исторических корнях. Конечно, ни для кого не секрет, что Калькутта – британское изобретение, и в течение многих лет он довольствовался тем, что знал ее именно как Калькутту, избегая бенгальского названия «Колката». Но тут он стал захлеб читать обо всех предшествующих названиях и о том, где пролегли границы города. А ведь раньше ему казалось, что для вселенной совершенно неважно, какие названия мы даем тем или иным местам, будь она проклята, эта политика. Когда-то существовала безвестная деревушка Дихи Коликата, затем она стала «поселением»,

¹⁴ Сахиб – вежливое название европейца в колониальной Индии.

как называли ее первые колонисты, прежде чем окрестить «Калькуттой». Удивляясь себе, он задрожал от волнения, когда обнаружил, что Чоуринги, самая загруженная и густонаселенная улица современной Калькутты, даже в начале 1800-х годов была джунглями и кишела тиграми. Оказывается, местные, служившие в богатых британских особняках на Чоуринги, каждый вечер после работы снимали свою европейскую униформу и бежали домой через джунгли, рискуя попасть в лапы бандитов и тигров. Как бы ему хотелось стать свидетелем этого захватывающего зрелища. Чоуринги, какой он ее знал, не имела ни малейшего сходства с тем первобытным миром. Огромная магистраль, старинные внушительные здания, автобусные остановки, сотни малых и крупных предприятий, тысячи прохожих конечно же исключали всякую возможность столкнуться с королями джунглей.

Так много имен, думал Тилу, для одного клочка земли. Калькутта, Голгофа, Колегот, Дихи Коликата, Кхалкхатта, или как там ее настоящее имя, выкладывала ему свои истории. Он чувствовал, как улицы шепчут ему. Пускай эти знаменитые писатели из высшей касты, всякие там Мукхерджи и Чаттерджи, оставят себе своего Дерриду¹⁵. А ему, Тилу, не нужно ничего, кроме этого города. Возможно, он и есть то золотое перо, что выбрала для себя Калькутта.

Раз или два, в самые уязвимые моменты, Тилу пытался рассказать Лали некоторые истории из прошлого, но она не умела слушать и требовала денег за каждую лишнюю минуту, проведенную с ним. Это разбивало ему сердце. Но он верил, что однажды, когда его великая книга выйдет в свет, Лали будет стоять рядом с ним на церемониях награждения и поэтических фестивалях, а дряхлые знаменитости будут с вождением пялиться на нее и завидовать Тилу Шау. Однажды, напоминал он себе, наступит день признания и мести.

Закрывая глаза, он видел перед собой великаншу Лали с красным языком. Этот образ преследовал его.

Тилу вздохнул, запалил керосинку, снял с полки помятую алюминиевую кастрюлю и поставил ее под кран. Вода медленно сочилась сквозь хлопчатобумажную тряпку, которой замазывали носик, чтобы не летели брызги. В ожидании, пока закипит вода, он разглядывал завитки ржавчины по углам раковины, мечтая о сигарете к чашке чая, но в карманах гулял ветер. Ему предстояло отправиться на Колледж-стрит, чтобы попытаться выбить аванс у Чакладара. От одной этой мысли сердце бешено колотилось. Всякий раз, когда ему приходилось иметь дело со своим издателем, Тилу ругал себя за слабость, жалел, что не родился другим – мужчиной со стальными нервами. Чего он действительно хотел, так это навестить Лали. Но даже здесь ему понадобятся стальные нервы. Лали одним своим присутствием повергала его в дрожь, а после ужасной смерти той девушки район Сонагачи перестал быть безопасным местом.

Чтобы отвлечься от жутких событий прошлой ночи, Тилу с дымящейся кружкой в руке подошел к столу и раздвинул шторы. Взгляд уперся в потрепанный непогодой, выцветший и потерявший форму старый билборд: «Фантастический матрас Дутты, сон вашей мечты». Текст, хотя и на английском языке, был набран бенгальским шрифтом. Изо дня в день палящее солнце и проливные муссонные дожди обрушивались на симпатичную девушку в полупрозрачном сари, сидевшую на краешке гигантского белого матраса с лукавой призывной улыбкой. В каком-то другом мире, подумал Тилу, подобные недвусмысленные приглашения, наверное, уместны. Однажды, когда он станет богатым и знаменитым, на фантастическом белом матрасе его будет поджидать Лали.

Он сел за стол, перевернул страницу в своей тетради, взял старую авторучку и начал писать. Ему пригрезился Джоб Чарнок¹⁶. Сам он был бесконечно далек от героя-великана ново-

¹⁵ Жак Деррида (1930–2004) – французский философ, создатель концепции деконструкции.

¹⁶ Джоб Чарнок (1630–1692) – агент Британской Ост-Индской компании, которого принято считать основателем Калькутты.

рожденной Калькутты. Но разве не живет Джоб Чарнок в каждом мужчине из плоти и крови? – размышлял Тилу в минуты праздности. Он воображал себя Левиафаном, который прокладывает путь через мир, требующий, чтобы его взяли силой, открыли и пробудили. Образец отваги и решимости, с легкостью укрощающий дикую землю и страсти диких женщин, – таким человеком мог бы стать Тилу, но пока что не стал.

Пока он корпел над построением предложений, его герой Джоб сражался с дюжиной злодеев в джунглях Чоуринги. Лет сто пятьдесят назад Джоб демонстрировал чудеса храбрости, гоняясь за бриллиантом в сорок карат, украденным бандитами из дворца местного короля. Он пробрался в глубь вражеской территории, вооруженный лишь охотничьим посохом. Смертельно опасными головорезами выступали разбойники-цыгане – набрасывая петлю на шею, они душили жертву. Тилу не зря просиживал в Национальной библиотеке: теперь он знал, что, хотя одни исторические источники называют бандитами организованную группу племен, кочевавших по Южной Азии в период между XIII и XIX веками, другие рисуют их бесправными крестьянами под британским правлением. Оставшись без земли и средств к существованию, эти несчастные грабили и убивали, используя в качестве оружия лишь головной платок. Изможденные люди прятались в зарослях джунглей, поджидая одинокого путника, порой ради всего лишь нескольких пайс¹⁷. Сердцем Тилу, может, и тянулся к ним, но для целей своей леденящей душу приключенческой серии предпочитал первую версию.

Попутру работа шла не так хорошо, как он надеялся. События прошлой ночи и проклятый образ Лали заполнили его разум. Несмотря на великие опасности, подстерегавшие Джоба, мысли то и дело уносились в маленькую комнату в Сонагачи. Подлый главарь разбойников набросил на Джоба смертельную удавку – а Тилу думал о губах Лали, между которыми была зажата белая сигарета. Джоб перехватил петлю – тут Лали обернулась и заглянула Тилу в глаза. Джоб с такой силой потянул за веревку, что главарь упал плашмя на землю, – Лали стелилась под ним, Тилу, изысканным шелковым ковром, закрывая глаза от удовольствия. Джоб тяжело приземлился на бандита и одним ударом сломал ему челюсть – кто-то закричал, и Лали бросилась бежать. Джоб вытер кровь с костяшек пальцев – спина Лали заслонила ему обзор, и тонкая красная струйка змеей скользнула к ее ступням. Даже в своей комнате в Сонабазаре Тилу чувствовал запах кислоты и крови, запах одновременно острый и сладкий. Он положил голову на стол.

Тилу ничего не мог с собой поделать. Он испытывал непреодолимое желание увидеть Лали. Что, если она попала в беду? Что произошло той ночью? Что, если то же самое случится и с Лали? Эта женщина и сама не знала, что ей нужно. Тилу должен быть рядом с ней, защищать ее от любых невзгод. Все это звучало разумно в его голове, но стоило Лали появиться у него перед глазами, как он терял нить. Он больше не мог обманывать себя. В Сонагачи полно других девушек, однако странная алхимия толкала его к единственной двери. Вознаградит ли женщина такую преданность? Нет. Какой же он дурак, что полюбил именно Лали.

Он пофантазировал о том, чтобы навестить ее, но что, если после убийства девушки Сонагачи и правда стал небезопасен? Что, если на него нападут какие-нибудь бандиты, изобьют и ограбят?

Чем больше он думал об этом, тем больше безымянных опасностей приходило на ум и тем менее привлекательным казался Сонагачи. Он заглянул в бумажник – одна банкнота в сто рупий, десятка и двадцатка. Из кармана выпало несколько монет. Он покосился на затененную часть балкона, где электрический обогреватель и шаткая стойка служили кухней. Припасы были на исходе. Тилу вздохнул. Потом энергично сбросил с себя вчерашнюю одежду, как будто агрессия могла избавить его от зловония пота и призрачного запаха крови и смерти. Жаль,

¹⁷ Пайса – разменная монета в Индии, сотая часть рупии.

что скудость гардероба не позволяла ему раз и навсегда избавиться от этих вещей. Он сунул бумажник в передний карман и вышел на улицу, чтобы сесть на автобус до Колледж-стрит.

Глава 5

Когда Малини садилась в автобус, она ни о чем не думала. Просто следовала порыву, какой-то неумолимой силе, что толкала ее вперед. Она долго шла пешком, даже не глядя на проезжавшие мимо автобусы, из которых в душный воздух неслись голоса кондукторов, выкрикивающих названия пунктов назначения. Увидев знакомый номер маршрута, Малини лихорадочно помахала рукой и побежала за автобусом, как будто от этого зависела ее жизнь. «Рокке... дамы», – выпалил кондуктор, когда минибус остановился. Малини поднялась по деревянным ступенькам под любопытными взглядами пассажиров. Отыскав свободное местечко в женской секции, попыталась сосредоточиться и привести мысли в порядок. Ей доводилось бывать в полицейском участке – и после облав, и по вине бедного клиента, который не мог дать взятку констеблям, прогуливающимся возле Мемориала Виктории. Те времена давно прошли; с тех пор как она начала работать в Коллективе и с мадам Дипа, у нее оставалось все меньше времени для проституции.

Все, о чем она могла думать, – это о невыносимой жаре. И еще перед глазами стояло лицо Мохамайи. Малини охватила паника – она никак не могла сформулировать то, что собиралась сказать в полиции. Да в этом и не было смысла. Все бесполезно. Никому нет дела до убитой девушки, но она должна попытаться. Если она этого не сделает, если никто этого не сделает, к чему тогда все эти годы она батрачила на Коллектив, преодолевая невообразимые препятствия и подставляя себя под удар?

Она заметила, что непроизвольно сжимает и разжимает кулаки, чувствуя скользкий пот на ладонях. Женщина, сидевшая рядом, подобрала подол юбки и шарф, отстраняясь от Малини, и повернула голову к окну.

Малини остановилась перед полицейским участком Буртоллы, не решаясь войти. Она была сама не своя, тело казалось чужим, безжизненным, тяжелым и непослушным. Несколько констеблей курили снаружи и потягивали чай, искоса поглядывая на нее. Некоторые лица показались ей знакомыми. Но она не могла сосредоточиться настолько, чтобы их вспомнить. Наконец она вошла внутрь.

Выходя из участка через некоторое время, Малини чувствовала себя как в тумане. Ощущая легкость и пустоту в голове, огляделась вокруг и поймала себя на том, что не может пошевелиться. Сила, которая двигала ею с утра, картины обожженной плоти, преследовавшие ее всю ночь, неудержимое беспокойство, заставлявшее ее действовать, – все это внезапно и полностью покинуло ее.

Она опустила глаза, рассматривая свои ноги. Сандалии нуждались в починке. Ноготь на большом пальце был сколот по диагонали, на нем все еще виднелись следы лака, нанесенного несколько месяцев назад. На грязном подоле сари запеклось что-то похожее на ошметки тухлятины. Сделала шаг, один, другой. Шла медленно, как будто вспоминала, как это делается. За воротами участка, где обычно толклись полисмены в любое время дня и ночи, Малини увидела большой валун и присела. Она бросила взгляд на наручные часы – время приближалось

к полудню. Она сидела долго, наблюдая, как солнце опускается к горизонту и медленно наступают сумерки.

Глава 6

Лали оглядела молодого человека, стоявшего перед ней. Сгорбленная спина, руки, казавшиеся слишком тонкими, почти истощенными, поникшая голова – все выдавало в нем человека, безропотно несущего тяготы жизни. Он не брился несколько дней, и щетина скрывала впалые щеки, заполняя тени, залегшие под острыми скулами. Надо бы предложить ему остаться, отдохнуть хотя бы с месяц. Она могла бы кормить его, присматривать за ним. Он был еще ребенком, когда Лали уехала. Младший в семье и единственный сын. Что бы ни думал их отец о куче народившихся девчонок, сыном-наследником он бесконечно гордился. Отец ни разу не поднял на него руку, даже ветру не позволял дуть на него слишком сильно. Лали полюбила брата с той самой минуты, как он появился на свет. И теперь его большие глаза все так же удивленно смотрели на мир.

Глядя на брата, Лали чувствовала, как разливается в ней неизбывная нежность. Она промыла чечевицу второй раз, затем третий, медленно перебирая пальцами красные зерна в мутной воде.

– А как же девочки? – произнес он голосом чуть громче шепота, словно побежденный еще до начала сопротивления. – Если я не заплачу за книги в этот раз, они больше не смогут ходить в школу. Там хотя бы обеды... – Он совсем сник.

Лали вздохнула, после чего заметила с некоторой злостью:

– С чего вдруг ты заговорил о школе? Разве я когда-нибудь говорила, что им не нужно учиться?

Она хотела добавить, что, если дела пойдут совсем плохо, девочки могли бы переехать к ней. В Сонагачи была школа, и, что бы кто ни говорил, дети секс-работниц могли рассчитывать на лучшую жизнь: кто-то стал врачом, кто-то пошел в журналистику. Но она знала, что не сможет переубедить брата. На двенадцать лет младше, он почти годился ей в сыновья, да она и относилась к нему как к сыну. Впрочем, даже сейчас он не остался бы у нее и на одну ночь. Лали полагала, что его жена скорее перережет девочкам горло и сбросит их в реку, чем отправит сюда. Но она не обижалась на нее. Напротив, даже испытывала некоторую гордость. Жену брата она никогда не видела, но, когда он пришел рассказать ей о предстоящей женитьбе, позаботилась о том, чтобы мальчик ушел с парой золотых сережек для невесты. Ей было интересно, отдал ли он их своей избраннице, сказал ли, откуда они взялись? Знала ли вообще эта женщина о ее существовании? Но расспросить брата она не решилась.

– А еще крыша, – продолжал он. – В прошлый муссон часть кровли обвалилась. Я собирался починить, но в тот год люди ростовщика...

– Сколько? – перебила его Лали.

Брат замаялся, посмотрел на нее, но она повернулась к нему спиной, зажигая маленькую газовую горелку.

– Пятьдесят тысяч, – произнес он, заставив Лали внутренне содрогнуться.

Она подула на горелку, полыхая от ярости, которую выплескивала в войне с невидимыми засорами, сгоревшими кусочками пищи и непокорной грязью.

Потом она сидела рядом с ним и смотрела, как он ест.

– Дай мне месяц. Я посмотрю, что можно сделать. Ты подождешь месяц? – спросила она.

Брат кивнул, жадно запихивая в рот рис.

Лали положила ему на тарелку еще риса и остатки овощей. Он поднял глаза, услышав скрежет ложки по дну железной миски – хорошо знакомый им обоим глухой звук, означающий пустоту. Их натренированные уши улавливали его с самого раннего детства.

– С мамой все в порядке, – заговорил он вполголоса, избегая смотреть на Лали. – Немного лучше в этом месяце. Артрит не проходит, но она держится.

Лали кивнула. Она никогда не спрашивала о матери, но брат все равно вставлял несколько слов, прежде чем уйти. Она обратила внимание на проблески седины в его щетине и поразилась этому несвоевременному проявлению возраста. Кто-то взял да и поместил болезненную тощую фигуру ее брата, мальчика с широко раскрытыми глазами и сопливым носом, в невидимую камеру, где он состарился, превратившись в усталого неудачника, который привык тихо и смиренно проигрывать.

Она не знала, как он нашел ее в первый раз. Однажды кто-то из девушек привел его, сказав, что он искал ее на улице. Его голова была обрита наголо, а из одежды на нем болталась лишь белая набедренная повязка, запачканная во время путешествия в Калькутту. Лали уставилась на него. Нырнула в океанические глубины своей памяти, выуживая воспоминание, которое могло быть сном, выдумкой, фантазией. Потом хлынули слезы, смывая потрясение. Малини оказалась рядом в тот момент, и она держала Лали в удушающих объятиях, которые не давали ей утонуть в горе, необъяснимом и непредсказуемом.

Позже он рассказал ей о смерти их отца. Для нее этот человек умер давным-давно. В тот вечер, когда ее увезли, когда он продал ее, она видела его пьяным в канаве у реки. Лали могла бы поклясться, что он был мертв – мухи кружили над ним, как кружат наддохлыми котятками в дальнем конце поля. Может, она это выдумала, а может, он и впрямь умер, в то время как его тело продолжало жить, управляемое бесконечными молитвами и благословениями ее матери. Как бы то ни было, в воспоминаниях Лали он остался смердящим трупом, облепленным мухами. А вот брат вернулся, разыскал ее и с тех пор навещал – не так уж часто, но достаточно, чтобы напоминать о том, что за плечами у нее история, которая началась где-то в другом месте. Что она не просто существует здесь, в этой клоаке, где девушки истекали кровью, как туши в лавке мясника.

Лали смотрела, как брат пьет из железной кружки, которую она поставила рядом с его тарелкой. Держал кружку высоко над головой, заливая воду в открытый рот. Это зрелище вызвало у нее приступ злости – выходит, едой он не брезговал, но губами не хотел прикасаться к ее посуде. И тут до нее дошло, что точно так же пил их отец. Теперь вот и сын повторял за ним – поднимая кружку выше, чем нужно, а остатками воды споласкивал руки над тарелкой.

Прежде чем Лали успела вымыть посуду и выставить ее на просушку, он подхватил свой потрепанный темно-бордовый шоппер с выцветшим логотипом какого-то магазина. Она вышла его проводить, пока не заметила, как растерянно он поглядывает на женщин вокруг, которые рано приступили к вечерней работе и уже зазывали клиентов. Лали замедлила шаг, в то время как он, наоборот, зашагал быстрее, опустив голову, чтобы не видеть ничего, кроме грязной дорожки, тянувшейся к выходу.

Мужчина задремал. Лали растолкала его, приводя в чувство. Напоминая, что его время истекло, она слезла с кровати. Он открыл глаза и посмотрел на нее. Даже не пытаясь подавить зевок, таращился затуманенным взглядом. Лали вздохнула, отворачиваясь. Одежда выдавала в нем работягу, и он явно нуждался в полноценном отдыхе. Может быть, трудился весь день, копал землю на стройке или ремонтировал машины, а теперь наверняка мечтал пойти туда,

где такие, как он, засыпают как убитые. Лали затянула узел на шароварах и накинула поверх камизу¹⁸. И придержала дверь, выпроваживая клиента.

С улицы в комнату долетали обрывки разговоров. Какие-то голоса казались знакомыми, или, может, знакомы были сами разговоры. Пронзительный смех, многословный торг. Последний клиент заплатил немного, но надел презерватив без всякого сопротивления. Она достала деньги и расправила банкноты. Две из них были новыми банкнотами в двести рупий. Лали крепко зажала их между пальцами. Они еще слегка хрустели, хотя от мужского пота стали влажными. Положила деньги в сумочку, потом проверила телефон, пролистывая текстовые сообщения, и на мгновение пожалела, что среди них нет весточки от Тилу. Это избавило бы ее от необходимости выходить на улицу, стоять в дверях и разговаривать с незнакомцами.

Лали приложила ладонь ко лбу и закрыла глаза, отгораживаясь от хаоса улицы. Кто-то запустил музыку на полную громкость. Скорее всего, парень, который управлял небольшим магазином возле «Голубого лотоса». Она мысленно отсчитала часы, прошедшие с тех пор, как Мохамайю нашли мертвой. У нее перехватило дыхание, подступила волна тошноты. Подчиняясь непонятному порыву, она вскочила с кровати, выбежала в коридор и оказалась на пороге комнаты Мохамайи. Железный засов на двери не был задвинут. Лали прикоснулась к нему, раздумывая, стоит ли заходить внутрь. И что она найдет там? Дух Майи? Могла ли Майя парить в зловонном воздухе комнаты, застрявшая в лимбе, между раем и адом?

Почувствовав чью-то руку на своем плече, она чуть не выпрыгнула из кожи.

– Это всего лишь я, – сказала Амина и добавила: – Не ходи туда.

Они медленно побрели по коридору. Нимми стояла возле своей двери под тусклым светом лампочки, и узорчатая паутина отбрасывала тени на ее лицо. Между ее грудями пролегал край красного сари, отчего груди напоминали высокие берега полноводной реки. Она скользнула взглядом по Лали и Амине, и Лали отвела глаза.

– У тебя не найдется таблетки кроцина?¹⁹ – тихо спросила Амина.

Лали посмотрела на нее. Поникший взгляд Амины и общая вялость настораживали. Худая, подумала Лали. Слишком худая. Наверное, отправляет все деньги домой, двум своим детям, которых оставила, и тому зверю, что когда-то женился на ней, а потом отправил сюда на заработки, после того как обобрал ее родителей до нитки.

– У тебя жар? – спросила она и положила ладонь на лоб девушки, отчего та качнулась.

Лали ощупала ее щеки и провела рукой за ушами. Амина пожалла плечами.

– У тебя сегодня были клиенты?

Девушка кивнула:

– Тот фулваллах²⁰ опять приходил. Цветы были влажными, и я насквозь промокла. Хотя прошло уже почти два часа.

Лали знала этого мужчину. Невысокий, respectable вида, он походил на школьного учителя или хозяина мелкого бизнеса. Как-то вечером много лет назад он пришел к ней с большим целлофановым пакетом. Поправляя очки на носу, он то и дело смотрел себе под ноги. Наконец поднял глаза на Лали и уже не отрывал от нее взгляда, когда она надела принесенные им цветочные украшения. Она стояла перед ним полностью обнаженная, увешанная гирляндами из тубероз и ноготков, в браслетах из цветков гибискуса. С цветов стекали капли воды, пропитывая ее кожу, падая на кровать... И он почему-то не хотел, чтобы Лали прикасалась к нему.

Она вспомнила, как отпустила саркастическое, колкое замечание о том, что только индуистских невест украшают цветами для первой брачной ночи. Тот человек больше к ней не при-

---

¹⁸ Камиза – длинная нательная рубаша.

¹⁹ Кроцин – анальгезирующее, противовоспалительное и обезболивающее средство.

²⁰ Фулваллах – торговец цветами в Индии.

ходил. Но раз в несколько месяцев она видела его у двери Амины. Амина была моложе, мягче. Лали не вписывалась в приватные фантазии извращенца.

– Тебе не следовало сидеть в этих мокрых цветах. Вентилятор был включен? Немудрено, что у тебя лихорадка. Ты же продрогла до костей.

Амина мгновение смотрела на нее, затем закрыла глаза. Они сидели на ступеньках перед «Голубым лотосом», наблюдая за девушками на улице и случайными прохожими.

– Твой брат приходил сегодня? – спросила Амина, и Лали напряглась.

Она не нуждалась в чужих советах. Не хотела, чтобы кто-то знал об этой части ее жизни или о том, что раньше было ее жизнью. Все умерло. Она промолчала.

– Сколько? – снова спросила Амина.

Лали смотрела прямо перед собой. Энергичная музыка, доносившаяся из соседнего магазина, просочилась в ее кровь и слилась с оглушительным стуком в груди.

– Я поднимусь к себе за кроцином.

Уходя, она оглянулась на Амину, сидевшую на пороге. Желтый свет лампочки вырисовывал ее силуэт, проникал сквозь пряди волос, выбившиеся из косы. Это ведь тоже своего рода семья, подумала она. Нет, это и есть семья. Те, кто рядом, кто помнит тебя и, возможно, плачет, когда ты лежишь на полу в луже крови. Бросила последний взгляд на тощую сгорбленную спину Амины и направилась в свою комнату.

Глава 7

Большие картонные коробки, полные презервативов, были сложены перед Кооперативным банком. Лали ждала за открытой дверью, интерьер скрывала тонкая розовая занавеска с давно выцветшим на солнце узором. Она оперлась на железные перила веранды первого этажа, которая служила залом ожидания для клиентов банка. Внутри кто-то кричал. Лали могла бы разобрать слова, но она и не прислушивалась – мысленно отключилась от происходящего. История повторялась из раза в раз, подробности уже несколько не интересовали.

Незнакомая женщина стремительно вышла из помещения, сотрясаясь от гнева, быстро провела рукой по лицу, вытирая глаза. Лали проводила ее взглядом и вошла внутрь.

Бхарати-ди сидела за столом возле стены с неброской вывеской. Настольный мини-вентилятор гонял воздух.

– А где Малини-ди? – спросила Лали.

Бхарати подняла глаза, жестом указала Лали на стул и вернулась к папке, лежащей перед ней:

– Она в полицейском участке.

– С чего это? – всполошилась Лали.

Бхарати вздохнула и выразительно посмотрела на Лали, словно спрашивая, не пришла ли она ради пустого трепя.

– Сидит в участке, ждет, пока у нее примут заявление. Вчера она уже побывала там, но они так ничего и не сделали. Сегодня к ней присоединились еще несколько девушек. Ты тоже могла бы пойти.

Бхарати приподняла очки в тонкой металлической оправе. В ее словах слышался намек на колкость. Кооперативный банк, как и Коллектив, приветствовал участие девушек в общественной работе, и пассивность Лали вызывала немало упреков.

– Что тебе нужно? – спросила Бхарати, не глядя на Лали. – Скажу тебе прямо: максимум, что мы можем дать, четыре тысячи рупий, и то на следующей неделе.

Лали растерялась:

– Я слышала от тебя совсем другое три месяца назад. Ты сказала, что нотебанди очень усложнила ситуацию, но через три месяца вы сможете дать мне всю сумму.

– И о какой сумме идет речь?

– Мне нужно пятьдесят тысяч.

Бхарати сняла очки и очень осторожно положила на разложенные перед ней бумаги:

– Наши дела несколько не улучшились. Ты наверняка помнишь, чем все обернулось для нас. Ты ведь из категории «Б», верно? – Бхарати вздохнула. – По вам, девочки, это ударило больше всего. Категория «А» тоже пострадала, пусть и не сразу, но... А вот те, кто стоит меньше пятисот... – Она покачала головой.

Лали помнила, как это было. В ноябре прошлого года улицы притихли и пугающе опустели, клиенты как сквозь землю провалились – все, кроме Тилу. Одному богу известно, где он находил деньги, но наведывался четко, как часы. А еще раньше клиенты, прежде чем взглянуть на нее или кого-либо из девушек, спрашивали: «Берешь банкноты в пятьсот рупий? Берешь тысячные?» Она сбилась со счета, сколько раз приходилось говорить «нет». Все хотели избавиться от запрещенных купюр, а что может быть лучше, чем совместить это с часом удовольствия? Бизнес в Сонагачи замер. Девушки категории «А» стоили намного дороже. Майя, насколько она помнила, брала не меньше пяти тысяч за час. Они выжили, но в конце концов демонетизация добралась и до них.

– Разве вы еще не восстановились? – спросила Лали, не сумев сдержать умоляющие нотки в голосе. – Ты же говорила, что через три месяца все наладится.

Бхарати кивнула в сторону картонных коробок, выставленных за дверь:

– Раньше мы продавали сотню таких коробок в месяц. Теперь с трудом удастся продать даже двадцать. Наши депозиты сократились с четырехсот тысяч рупий в день почти до семи-десяти тысяч. Дело не только в вас, девочки, ты же знаешь. Когда это бьет по вам, на нас это тоже отражается. Банкноты-то запретили, но никто не запретил наши потребности.

Лали смотрела на свои руки, сжимая и разжимая кулаки. Щупальца гнева прорастали в море отчаяния. Ей ничего не оставалось, кроме как искать помощи в других местах и у других людей.

– Что бы ты ни надумала, умоляю, только не ходи к ростовщикам. Проценты, которые они дерут, загонят тебя в вечную кабалу. Эти барыги завладеют и телом твоим, и душой. – Бхарати выдержала паузу и окинула Лали беглым взглядом. – Для чего тебе нужны деньги?

Лали встала со стула и медленно побрела к двери.

Бхарати крикнула ей вслед:

– Сходи к Малини в участок, если сможешь. Пора всем нам за что-то постоять.

Глава 8

Когда автобус с визгом остановился у тротуара на многополосном перекрестке в Совабазаре, Тилу вышел и огляделся. Через дорогу находился «всемирно известный» ларек паана²¹, где хозяйничал Сукхи. Сутенер Бабул уже заступил на дежурство – как обычно, ровно в пять пополудни. За вторым поворотом направо открывался путь к «Голубому лотосу». Тилу шагал непринужденной походкой, гадая, заметил ли его Бабул. Он не хотел привлекать к себе внимание, как и попадать в какие-либо неприятности. Торговец Сукхи, никогда не доставлявший никому хлопот, однажды сказал ему: «Сааб²² писатель, когда человек счастлив, он заплатит двадцать пять рупий за один сладкий паан. Но я исповедую дхарму²³ и, если беру с людей так много, обязательно кладу в паан все самое лучшее». Когда карманы Тилу были полны, как в тот раз, когда ему заплатили за «Кулинарную книгу Санатани с 1001 рецептом для индуистских жен», он позволял себе вкуснейший паан. Сукхи выставял множество горшков причудливых форм и расцветок, как если бы в них сидели бесформенные джинны. А что на самом деле хранилось внутри – Тилу всегда зачарованно наблюдал за движениями рук Сукхи, быстрыми и легкими, как у придорожного фокусника, – так это разноцветные желе и патока, которые он намазывал на лист паана, непременно пальцами. Капля того, щепотка сего. Тилу решил, что, если этим вечером все сложится, если Лали будет благосклонна, он вознаградит себя пааном и сигаретой на обратном пути домой.

Вокруг резвились дети, не обращая на него никакого внимания – свою игру они прерывали только для того, чтобы поклянчить денег, когда на перекрестке притормаживала машина. На Тилу хмуро уставился долговязый мужчина, сосредоточенно почесывая промежность. Сонагачи на другой день после убийства мог таить в себе любые опасности. Тилу быстро перешел на другую сторону улицы, повернувшись спиной к любопытным глазам.

Из ларька выглянул Сукхи и спросил, не желает ли он сигаретку. Тилу сунул руку в карман и нащупал там две монеты по пять рупий.

– Патака биди²⁴, – пробормотал он. Сигарета позволила бы ему выиграть немного времени.

Нашел узкий выступ на тротуаре, сдул пыль и уселся. Медленно прикурил биди от спички из коробка. Незаметно положил руку на ягодицу, пытаясь нащупать две банкноты в заднем кармане. Накатило облегчение оттого, что они все еще были на месте – карманники пощадили его на этот раз. Хватит ли этих денег? Новые расценки Лали убивали его. Лали, черт бы ее побрал, наверное, рассмеется ему в лицо.

Тилу вздохнул от безысходности, поднялся и прошелся по улице. В воздухе разливалась духота. Стояла середина июня, и до сих пор никаких признаков дождя. Когда он был маленьким, дожди неделями заливали узкие переулки возле их дома. Затопляли подвалы и первые этажи, так что людям приходилось искать убежище в других местах. А теперь жаркое солнце сияет над головой, расплавляя кожу. Он вытянул шею вверх, прикрывая глаза ладонью. Одинокая ворона каркала на ветру. На другой стороне дороги Тилу заметил высокого мужчину, который шептался с какой-то женщиной, показывая на него. На всякий случай он быстро зашагал прочь от них.

²¹ Паан – традиционная индийская «жвачка» после трапезы; бетелевый лист, в который заворачивают разные ингредиенты.

²² Сааб – форма обращения в значении «господин».

²³ Дхарма – одно из важнейших понятий в индийской философии и религии. Слово «дхарма» буквально переводится как «то, что удерживает или поддерживает».

²⁴ Патакабиди – тонкие индийские сигареты, скрученные вручную и завязанные нитью.

Ноги предательски вели его по хорошо знакомой дороге, и вскоре Тилу стоял возле «Голубого лотоса». В какой-то момент он струхнул и спрятался за припаркованным фургоном. Женщины высыпали на улицу – одни подпирали стену, другие сидели на корточках или примостились на бетонных панелях в дверях первого этажа. Выждал мгновение, вглядываясь в лица в поисках Лали. Краем глаза увидел большую группу женщин, затеявших какую-то шумную перебранку, и осторожно выглянул из своего укрытия. Вокруг уже собиралась толпа в предвкушении уличной драмы. Коренастая женщина в сари, обернутом вокруг внушительного живота, кричала кому-то на верхних этажах, призывая поторопиться.

Из дома вышли еще женщины и направились к офису Коллектива. За ними семенил Сунил, повар из «Голубого лотоса», с рулоном бумаги в руке. Он увидел Тилу и широко улыбнулся.

Тилу откашлялся.

– А... э-э-э... Лали?..

– Да вроде у себя. Диди в своей комнате, он только что видел, как она вернулась.

Тилу кивнул на рулон в руке Сунилы.

– Ах, это? Это, как они их называют, плакаты. Дамы идут в пулиш.

Сердце Тилу непроизвольно дрогнуло. Слово «полиция» не ласкало слух, особенно после того, что он увидел в ту ужасную ночь.

– Пулиш? – прохрипел он.

– О, не волнуйся, писатель-бабу, они идут на подмогу нашей Малини-диди. Она в участке, преподает урок этим пулишам-бабу. Все мадам будут там. Бояться нечего.

Сунил догнал женщин, которые шагали плечом к плечу мимо маленьких магазинчиков и карауливших клиентов девиц, направляясь к небольшому зданию с вывеской «Коллектив секс-работников». Тилу посмотрел на часы – еще куча времени до наступления вечера, когда Сонагачи по-настоящему оживает. Возможно, женщины успеют вернуться на свои рабочие места до начала вечерней смены. Нервно оглядываясь по сторонам, он опустил голову и устремился к «Голубому лотосу».

У входа к нему подошли две девицы, которых он никогда раньше не видел, схватили за руку и что-то забормотали. Он в замешательстве уставился на них. Почти все здешние обитательницы знали его в лицо и никогда не приставали. Он промямлил, что его ждут, и под градом насмешек и колкостей прошмыгнул во внутренний двор.

Сбитый с толку, он огляделся. Девицы бросали на него странные взгляды. Не лучше ли ему уйти? Все вроде бы в порядке, Лали явно не угрожает опасность, но, может, следует дать задний ход, чтобы не видеть ее лица, не бросаться в пугающий омут, куда его затягивает всякий раз при встрече с этой женщиной? Зачем изводить себя? Он мог бы остановиться прямо сейчас, не причиняя никому вреда.

Тилу выдохнул, разжимая потные кулаки, но тут поднял глаза и увидел, что Лали наблюдает за ним с дальнего конца двора. Она улыбнулась ему искренне, с облегчением, как будто ожидала его появления. И внутри сразу открылся кратер, высасывая весь воздух из легких.

Лали поманила его, прежде чем подняться по ступенькам. Когда Тилу добрался до верха лестницы, она обернулась и зашла в свою комнату. Тилу последовал за ней, как под гипнозом, и Лали закрыла за ним дверь.

Глава 9

Самшер уже собирался постучать в дверь, когда изнутри донеслись вопли и проклятия. Тяжело вздохнув, он прижался лбом к косяку. За дверью его мать взывала к богам и всем, кто находится в пределах слышимости. День выдался не из легких; все, чего он хотел, – это тишины и покоя, когда вернется домой. Он мечтал принять долгий холодный душ, высыпать полпузырька талька под мышки и залечь с пультом перед телевизором, блуждая по круглосуточным новостным каналам, где все кричали друг на друга. Он на мгновение задержал эту картинку перед глазами и постучал в дверь.

– Попомни мои слова, – взревела за дверью его мать, раздувая ноздри. – Это будет девочка. Шармаджи никогда не ошибался, ни разу за двадцать лет, и он так сказал. Значит, так тому и быть.

Мать Самшера верила в истину, рожденную повторением. Мол, если твердить одно и то же, это неизбежно превратится в идиоматическую правду.

В углу кухни, прислонившись к стене, стояла его жена. Они поженились недавно, чуть больше шести месяцев назад, после долгого процесса смотрин, оценок и переговоров о приданом, которые возглавляла его мать. Наконец она нашла невестку, которую могла терпеть, или, по крайней мере, так надеялся Самшер. Он уже готов был жениться на козе, лишь бы только покончить с изматывающим сватовством. Впрочем, он не мог не признать, что у его матери хороший вкус. Невесту она подобрала гибкую, светлокожую, с длинными волосами. Девушка почти не разговаривала, даже за закрытыми дверями, и в совершенстве владела искусством опускать глаза и накрывать голову сари. Она ему нравилась. Молодая, она относилась к нему с благоговейным страхом, как будто видела в нем льва, лишь слегка усыпленного опиумом.

Однако после всей этой кутерьмы с отбором мать по-прежнему придиралась к его жене и неустанно пилила всех домочадцев. Постепенно до Самшера дошло, что матери нужна невестка, которую она могла бы мучить, а не любить. И все бы ничего, если б мать держала его подальше от этих распрей. Но она вовсе не собиралась его щадить.

– В чем дело, Амма? Почему ты все время кричишь?

– О, я кричу? Это я-то? Выходит, я во всем виновата? Я всего лишь забочусь о твоём будущем, а он, видите ли, приходит домой и первое, что делает, это указывает мне...

– Амма, – Самшер перебил ее, – может, ты просто расскажешь мне, что случилось?

– У нее будет девочка! – Мать Самшера указала пальцем на его съжившуюся жену, олицетворяя толпу в суде над ведьмой. – Шармаджи сказал, что в этом нет никаких сомнений.

Шармаджи был одаренным шарлатаном. Самшер мечтал о том, как однажды наденет на старую жабу наручники и потащит его в камеру. Но мысль о том, что придется съехать из собственного дома или провести остаток жизни, выслушивая проклятия матери, останавливала его от резких шагов. Вера матери в Шармаджи перевешивала ее веру в бога. Он был для нее семейным астрологом. Каждый вторник она принимала душ, надевала чистое выглаженное сари и отправлялась к нему с визитом, чтобы обсудить свои домашние дела и получить рекомендации на будущее. Шармаджи как-то сказал матери, что Самшер никогда не поступит в полицию и лучше бы ему устроиться на работу электриком. Когда Самшер доказал ошибочность этого пророчества, Шармаджи предсказал ему гибель в автомобильной погоне или от руки шлюхи. Это предзнаменование обернулось раскатами материнских проклятий и каждодневными стенаниями на протяжении некоторого времени. Никакие факты или доказательства карикатурности этого персонажа не могли поколебать ее веру, и у Самшера развилась стойкая ненависть к мошеннику.

– Он не может предсказать пол ребенка, Амма, – попытался успокоить ее Самшер. – Только врачи могут это определить, а им запрещено раскрывать тайну.

Мать набросилась на него, как ангел-мститель.

– Я видела, как она ела лимоны, о да, – торжествующе произнесла она. – И тамаринды!²⁵ Видела собственными глазами! Только не говори мне, что это ничего не значит. Все признаки мне хорошо известны. Она светится! – Мать ткнула обвиняющим пальцем в сторону несчастной жены.

Самшер поспешил в спальню, мельком взглянув на жену, которая медленно удалялась в темноту кухни.

Позже той ночью, когда она лежала рядом с ним, стараясь сжаться и быть незаметной, Самшер почувствовал желание что-то сказать.

– Не переживай, – начал он. – Амма просто... Амма. Лает, но не кусает.

Он расслышал тихие рыдания, тонушие в подушках, дабы не выплеснуться в нечто громкое и уродливое. Повернулся на бок и осторожно положил руку ей на голову, поглаживая черные пряди, выбившиеся из длинной косы. Спустя мгновение она заговорила тихим, извиняющимся голосом.

– Но что, если она права?

Самшер обнял ее за талию другой рукой, притянул ближе к себе, коснулся губами ее шеи и сказал:

– Я бы хотел дочь. Мне бы это очень понравилось.

---

²⁵ Тамаринды – индийские финики.

Глава 10

Наскар сверился с наручными часами. Последний раз он проделывал это ровно два часа назад. Офицер Сингх до сих пор не прибыл, и констебль Балок-да рвал и метал. Женщины не покидали участок, и казалось, что день ото дня толпа все увеличивается. Он попробовал пересчитать их по головам – одна, две, три... тринадцать – и снова сбился со счета. Женщины прогуливались по территории, развернув перед собой плакаты. Время от времени они устраивали перекусы, и жестянки с сухими пайками искрились в лучах послеполуденного солнца. Они вели разговоры, смеялись, и Наскар ловил себя на том, что в воздухе царит праздничное веселье. Никто бы не подумал, что они пришли сюда протестовать против убийства, если бы не прочитал их лозунги. Он покачал головой. Женщины оккупировали пятачок Балока-да, где тот обычно дымил зловонными биди, когда офицера не было поблизости. Пока женщины не разойдутся, Балоку-да придется томиться без курева и пытеть от злости. Ближе к вечеру некоторые женщины ушли, что неудивительно, учитывая их профессию. Если бы мать знала, что здесь творится, она могла бы не пустить его на работу. Наскар произнес короткую молитву, сложил ладони и дважды коснулся лба. Чем быстрее во всем этом разберутся, тем лучше будет для всех, подумал он. Если только сааб офицер предпримет что-нибудь, чтобы избавиться от этих женщин.

Глава 11

В комнате мадам Шефали было темно и прохладно. Глаза Лали не сразу привыкли к полумраку после ослепительного июньского солнца. Кондиционер гудел тихо, почти неслышно. Эта комната предназначалась для сна и отдыха. Лали представила богатых домохозяек, бездельничающих в таких покоях, – они находят в них спасение от одуряющей жары и проблем других миров, не соприкасающихся с их собственным. Все здесь дышало красотой и лоском.

Когда Нимми позвала ее наверх, Лали насторожилась, не понимая, с чего вдруг мадам Шефали захотела ее видеть. Она подумывала о том, чтобы отказаться, – могла бы отослать Нимми с резким ответом «нет», но потом решила, что это выглядело бы бесполезной детской истерикой. Она заперла свою комнату и последовала за Нимми в апартаменты на верхнем этаже.

Мадам сидела в большом бархатном кресле в углу комнаты, прямо под кондиционером, а струя воздуха от портативного мини-вентилятора обдувала ее подбородок. Юная чукри²⁶ окунула тряпку в ведро с ледяной водой, изо всех сил отжала ее тощими ручонками и с энтузиазмом обреченного протерла спину мадам.

– Нечестивые не имеют покоя, – объявила мадам Шефали, не обращая ни к кому конкретно, и перевела взгляд на Лали – Что я сказала только что?

– Нечестивые не имеют покоя, – повторила Лали.

– Поняла, девочка? А теперь посмотри на меня. – Мадам помахала перед собой крошечным вентилятором. – Не выношу жару, а тем более когда мое тело призывает меня стать старухой, ха-ха. Но мы еще поборемся, да, Лали? В этой жизни лучше быть мертвым, чем старым. Ни клиентов, ни бабу, ни любовников, даже поругаться не с кем – для чего тогда нужна жизнь? Тебе следовало бы это знать, ведь ты на очереди. Еще лет пятнадцать – двадцать, и настанет твое время. Я желаю, чтобы у тебя, когда придет час, была такая же комната, где ты могла бы держать в прохладе свои женские прелести. Эти предательские твари только и ждут, чтобы обернуться против тебя, они – как бомба замедленного действия. Тик-так, тик-так.

– Вы хотели меня видеть?

Мадам заелозила ногами по пуфу.

– У меня есть для тебя работа.

Лали знала мадам Шефали, возможно, намного лучше, чем казалось им обоим. Судьба свела их лет двадцать назад. За это время кем они только не были друг для друга: врагами, соперницами, защитницами... Их отношения, если посмотреть в определенном свете, поразительно напоминали отношения матери и дочери.

Лали выдержала паузу – молчание задевало мадам больше всего на свете.

Спустя минуту она с тайным удовлетворением отметила, что мадам заволновалась.

– Хорошо. Вижу, у тебя нет вопросов. Я не люблю вопросов.

Мадам спустила ноги с бархатного пуфика, на ее ногтях блестел свежий кроваво-красный лак.

– Я хочу, чтобы сегодня вечером ты переехала сюда. Попрошу боя подготовить для тебя комнату. Соберешь свои вещи и через пару часов найдешь Чинту. Он скажет тебе, что делать.

Лали не шелохнулась и не проронила ни слова.

Мадам Шефали скорчила гримасу:

– Я слышала, ты ходила в Кооперативный банк за кредитом.

---

²⁶ Чукри – низшая каста среди индийских проституток; как правило, молоденькие секс-рабыни, вынужденные работать в борделях, чтобы выплатить долги.

– Вам-то какое дело? – вырвалось у Лали.

– Какое мне дело? Чистый бизнес. Помнишь, что творилось еще полгода назад со всей этой нотебанди? В последний раз я видела этот район таким пустынным в девяносто втором году, после того как они снесли мечеть. Мы стояли на улице с десяти утра. Все без толку – ничего и никого. Если кому-то из нас подворачивался клиент, о, сколько было зависти, сколько ссор! Как бы то ни было, нам удастся держаться на плаву, и, если у тебя хватит ума, ты примешь мое предложение.

– А что будет с моей комнатой, с моими постоянными клиентами? И сколько вы будете у меня забирать?

– Ты о ком переживаешь? О том писаке? – Мадам Шефали рассмеялась. – Послушай, чукри, я бросаю тебе спасательный круг. Я не стану допытываться, почему ты из месяца в месяц просишь займы, это твое дело. Мы продолжим нашу систему адхии²⁷. Никакой арендной платы; будешь работать здесь, но также и на выезде. Моя доля, как всегда, пятьдесят процентов.

Лали попыталась представить, каково это – работать на выезде. Майя раньше занималась этим, но Лали никогда толком не знала, когда и как. У Майи был сутенер, она получала хорошие заказы, имела щедрых клиентов. Пару раз Лали подумывала расспросить ее, но не набралась смелости.

Она улыбнулась, предвкушая свои следующие слова, от которых у мадам волосы встанут дыбом.

– Это та же сделка, что вы заключили с Майей. Сделка, которая в итоге убила Майю и в конце концов убивает всех. Так или иначе.

Губы мадам Шефали изогнулись в улыбке. Одинокая красная капля сока бетеля²⁸ медленно потекла из уголка ее рта. Она стерла ее и мельком оглядела подушечку большого пальца. После чего сказала:

– В твой первый месяц здесь у тебя появилась подруга. Не помню ее имени. Я возлагала на нее большие надежды. Идеальная деревенская девчонка. В городе больше не делают таких, как она, и половина деревенских дурочек попадает сюда уже как использованный материал. Что ж, то были другие времена. Так вот, та малышка, твоя подруга... Я старалась сохранить ее нетронутой, целомудренной. Но и месяца не прошло, как она попыталась сбежать. – Мадам покачала головой и тихонько рассмеялась. – А когда мы ее вернули, снова пыталась бежать, снова и снова. О, она только тем и занималась, что планировала очередной побег. Как будто ей было куда податься.

Мадам Шефали сделала паузу, выплюнула бетелевый лист в богато украшенную миску и достала сигарету из мятой картонной пачки. Лали наблюдала за медленными, обдуманными движениями, невольно затаив дыхание.

Мадам указала длинной белой сигаретой на Лали:

– Помнишь, что ты сделала?

– Ничего, – ответила Лали ровным, спокойным голосом. – Я ничего не сделала.

– Вот именно.

Мадам поднесла сигарету к губам, прикурила от пластмассовой зажигалки и выпустила в воздух четкое кольцо дыма.

– Я знаю, она предлагала тебе бежать вместе с ней, но ты этого не сделала. Ни разу. И никому не говорила, что она собирается сбежать. Конечно, мы это знали. Все эти девушки... половина из них мечтает о побеге. Другая половина... ну, те, что вроде тебя. С мозгами.

---

²⁷ Адхия – система, при которой секс-работник снимает комнату или квартиру в публичном доме, и арендная плата взимается на основе общего заработка, а не по фиксированной ставке, так что хозяин борделя получает долю от заработка работника.

²⁸ Бетель – вечнозеленое многолетнее растение рода перец, листья имеют лекарственные свойства и используются как специи.

Вспомни свою маленькую подружку, любительницу побегать. Такие, как ты, выживают, а такие, как она, нет.

Собирая вещи в своей комнате, Лали вспоминала, что случилось с ее подругой, пытавшейся сбежать. Джигри, так ее звали. Лали с трудом могла понять, что она говорит, – корявый деревенский диалект из какой-то глухомани в Джаркханде звучал сущей абракадаброй. Джигри было девять лет, Лали – десять. Испуганные и одинокие, они провели первые три дня бок о бок, прикованные цепями к шаткой деревянной ножке походной кровати. Когда обе перестали рыдать, они расслышали тихое жужжание термитов, роющих ходы в старой древесине, и шуршание тараканов на полу, где наделала лужу Джигри.

Джигри изъяснялась торопливыми, короткими фразами. Как будто это последние слова, которые ей разрешат произнести, прежде чем навсегда лишит дара речи. Она мотала головой, когда мадам связывала ей руки и ноги после первого побега. И снова и снова просила Лали бежать вместе с ней. Бежать на ближайший базар, броситься к первому попавшемуся полицейскому и вернуться домой. То ли из-за разницы в возрасте, пусть и в один год, то ли потому, что она была сломлена еще до того, как попала сюда, Лали никогда не верила в затею Джигри. Она убедила себя в том, что бежать некуда, и неудачи Джигри служили для нее одновременно оправданием и позором. Как падшее существо, Лали считала себя заслуживающей этого места, полагая, что в мире не найдется уголка, где их не поджидал бы такой же ад.

Лали очень хорошо помнила, что случилось с Джигри, хотя была уверена, что мадам давно забыла имя той девочки.

Она запретила себе думать о том, что стало с Джигри, как и о многом другом.

Глава 12

В ожидании приема у врача Самшер нетерпеливо покачивал ногой, разглядывая анатомический плакат с изображением ребенка в утробе. Он восхищался сплетением сухожилий, поддерживающих скрюченное тельце. Покосился на жену, скромно сидевшую рядом с ним. Выющиеся прядки волос выбились из косы и беспорядочно обрамляли ее лицо. Самшер заметил, как она вытирает капельку пота со лба, как опустила взгляд на колени в тот момент, когда их глаза встретились. Он мысленно улыбнулся. Беременность придавала ее лицу приятный румянец, окрасив бледные щечки, и добавила аппетитной округлости телу. Он помнил тощую испуганную девушку, на которой женился меньше года назад; помнил, как она дрожала рядом с ним, когда священник связывал их руки священной нитью.

При всех этих приятных мыслях он проклинал доктора за то, что тот не раскошелился на кондиционер. Хирург-гинеколог занимался частной практикой и имел связи с двумя крупными клиниками. Наверняка зарабатывает в среднем тридцать тысяч рупий в день и все равно снимает эту дерьмовую двухкомнатную конуру с заляпанными стенами над мастерской по ремонту зонтиков.

Самшер вздохнул. Ему следовало более серьезно отнестись к своему образованию. Тогда бы не пришлось общаться с сутенерами и мелкими преступниками. Он мог бы выучиться хоть на дантиста, как все непутевые сыновья богатых честолюбивых отцов. Стал бы респектабельным членом общества, взял бы в жены кого-то поумнее, с монастырским образованием, водил бы красивую супругу по выходным в мультиплекс на дорогие блокбастеры под ароматный попкорн.

Он тронул жену за руку. Она вздрогнула и напряглась. Что ни говори, а он все же был счастливым человеком. И женщина ему досталась хорошая. Скоро она исполнит свою миссию, и у нее на коленях будет лежать младенец.

Администратор с кислой миной выкрикнула имя его жены. Она встала, нервно оправляя платье, и медленно направилась к кабинету. Самшер остался в приемной. Осмотр у врача – не мужское дело. Его мать отказалась сопровождать их, да и родственников жены не видно. Согласно традиции, им следовало давным-давно приехать и забрать женщину на сносях. А уж потом Самшер отправился бы к ее родителям, насладился бы гостеприимством и привез жену с ребенком обратно в свой дом. Мать справедливо считала, что ее лишили этого невероятного удобства. И все же Самшер не мог себе позволить сидеть сложа руки. В конце концов, кто-то же должен был отвезти эту девочку на прием к врачу, доставить ее в больницу, когда придет время, и потом ухаживать за матерью и ребенком.

Когда она вышла из кабинета, сжимая в руках пачку бумаг, Самшер краем глаза увидел склоненную голову доктора. И тут, как назло, сильно закашлялся старик с одышкой, сидевший на стуле с поджатыми к груди ногами. Самшер с отвращением посмотрел в его сторону. Ему хотелось войти и поговорить с доктором, убедиться, что все в порядке. Он мог бы даже спросить насчет пола ребенка. Ему как полицейскому это могло бы сойти с рук. С другой стороны, доктор может поднять шум из-за того, что Самшер просит о чем-то незаконном. Он лихорадочно соображал, как поступить. Зайти или нет? Но его опередил старый астматик, который уже тащил за собой молодую женщину. Самшер сдался и направился к выходу. Жена ковыляла за ним утиной походкой, сгибаясь под тяжестью своего огромного живота.

Как только он усадил жену в такси и захлопнул за нею дверь, зазвонил его телефон. Констебль Балок Гхош приглушенным голосом убеждал немедленно вернуться в участок. Самшер посмотрел на жену, и она ответила ему улыбкой.

– Что сказал доктор? – спросил он.

– Все хорошо, роды должны пройти без осложнений, – застенчиво произнесла она.

Самшер на мгновение заколебался.

– Ты боишься? – спросил он.

Она медленно покачала головой и посмотрела на свой живот, бережно поддерживая его обеими руками.

Самшер почувствовал, как его захлестывает волна нежности. Скоро он станет отцом, а эта женщина и их ребенок будут его вселенной. Он проживет свою жизнь вместе с ними, ради них, защищая от этого мира. И только они узнают его настоящего.

Он накрыл ее руку ладонью и сжимал всю обратную дорогу до дома, где высадил жену у двери и велел таксисту ехать в полицейский участок Буртоллы.

Самшер закрыл лицо руками, пока Балок Гхош вводил его в курс дела. Он надеялся, что все рассосется само собой, как обычно бывало в подобных ситуациях. В Сонагачи действовали свои законы отправления правосудия, и полиции редко приходилось вмешиваться, если только эти истерички не поднимали шум.

– И кто она? – спросил он констебля и потер виски костяшками пальцев.

Балок Гхош заглянул в бумажку и ответил с еле сдерживаемым отвращением:

– Дипа Мархатта, сэр. Руководит неправительственной организацией в южной Калькутте, работает в основном с Коллективом Сонагачи. – Он понизил голос. – Мы сказали ей, что ты занят, но это бесполезно, она и слушать не хочет.

Самшер застонал, не отрывая ладоней от лица.

Глядя на поникшего шефа, Балок Гхош думал о том, что у этого великана мозги выючного животного и тупость быка. Солидный опыт подсказывал, что Самшер не продвинется слишком далеко. То, что его назначили дежурным офицером, уже было чудом.

Он откашлялся.

– Мой совет – выслушать ее и сделать все возможное, чтобы выпроводить отсюда. Такие женщины подобны яду. Как... сифилис, сэр. От них трудно избавиться. К тому же во дворе целая толпа шлюх. Мы должны справиться с ситуацией.

Когда Балок Гхош открыл дверь, Самшер уже вскочил из-за стола, широко раскидывая руки в знак приветствия:

– Уважаемая мадам, проходите, проходите, пожалуйста, присаживайтесь, скажите, чем мы можем вам помочь. Эй, Наскар, принеси два чая для особых гостей. Не хотите ли перекусить, мадам? Здесь готовят восхитительную моголай пороту...²⁹

Дипа одарила Самшера милой, обезоруживающей улыбкой. У него в голове давно сложился образ так называемого соцработника женского пола. Самшер ненавидел этих дамочек и мог с горечью признать, что слегка побаивался их. Крикливые, воинственные и незамужние, они так или иначе – Самшер был в этом уверен – разрушали священный институт семьи и общественный порядок. Кто знает, почему? Может, потому что сами не вышли замуж. Словом, кучка уродливых гарпий. Но эта особа казалась другой, и у Самшера не находилось определения для нее. Начать с того, что он не мог угадать ее возраст. Ей могло быть под сорок или сорок

---

²⁹ Моголай-порота – популярная бенгальская уличная еда. Обычно это мягкий жареный хлеб с начинкой из фарша, яйца, лука и перца.

с небольшим. Она пленяла красотой и улыбкой и, совершенно очевидно, занимала куда более высокую ступень на социальной лестнице, чем он. В ее одежде не было ничего вычурного, но Самшер знал, сколько стоит такая простота. Видел эти неброские наряды в витринах на фоне антикварной мебели в бутиках с террасами и пальмами в старинных домах ар-деко – язык не поворачивался назвать эти оазисы роскоши грубым словом «магазин».

– Прошу вас, офицер, спасибо за предложение, – Дипа жестом остановила его. – У меня очень мало времени, и я бы хотела сделать официальное заявление. Я так понимаю, эти женщины протестуют против того, что вы не заводите дело по факту совершенного преступления?

Самшер выдавил мученическую улыбку:

– Мадам, вы и ваше окружение – образованные люди, сливки общества. Но мы тоже кое-что понимаем. Какой-то телефонный звонок с непроверенной информацией не может считаться основанием для серьезного расследования, не так ли?

Он бы продолжил, но Дипа перебила его:

– Эти женщины не звонили по телефону, сэр. Они сидят здесь уже четыре дня, добиваясь, чтобы вы сделали хотя бы самый минимум – например, приняли их жалобу в качестве первого официального информационного сообщения в полицию.

Самшер открыл было рот, но Дипа выбросила руку вперед. Он инстинктивно отпрянул, и его плечи слегка опустились, опираясь на жесткую спинку кресла.

– В любом случае я здесь не для того, чтобы спорить с вами о юридических тонкостях. Мои блестящие коллеги из Национальной комиссии по правам человека гораздо лучше справятся с этими дебатами. А друзья в судебной системе, которые нас поддерживают, – вы знаете, как это бывает в наши дни, – фиксируют случаи, когда полиция не принимает заявления о возбуждении дела.

– Но, мадам, мы впервые слышим о подобном происшествии, – сказал Самшер.

– Конечно. Конечно, вы слышите об этом впервые. Потому я и хочу подать заявление в полицию.

– Разумеется, это ваше право. Но вам ли не знать, как это работает.

Он развел руками и слегка пожал плечами, надеясь, что Дипа заполнит пробелы в его обтекаемых формулировках.

Вместо ответа она уставилась на него с непроницаемым выражением лица. Самшер не знал, как реагировать на ее молчание. Женщины такого типа бесили его. Одним своим невозмутимым присутствием она бросала вызов его авторитету. В конце концов, он – мужчина и обладает физическим превосходством, он – офицер полиции, и эта штучка нуждается в нем. Подумать только, сидит напротив него, защищенная коконом своих привилегий, да еще и разговаривает на беглом английском, отчего он чувствовал себя ущемленным.

Самшер достал из кармана новенький айфон, повертел его в руке и положил на стол. Краем глаза покосился на Дипу, проверяя, не изменится ли выражение ее лица при виде такой дорогой игрушки. Как бы не так!

Он крутанулся в кресле:

– Мадам, очень трудно отследить такие вещи. Эта... э-э-э... девушка, которая умерла... она убегала раньше, нет? Кажется, я что-то слышал об этом. Что бы с ней ни случилось... тут наверняка замешан бабу. – Самшер театрально вздохнул. – Эти девушки всегда умирают от рук какого-нибудь парня, пообещавшего жениться. – Он игриво погрозил пальцем. – Таким пройдохам нельзя доверять. Как только мужчина говорит: «Я возьму тебя в жены», девушка бросается ему на шею, отдает все свои деньги, а тот исчезает навсегда.

Выдержал паузу, обретая уверенность при очевидном молчании женщины.

– Что мы можем сделать, мадам? Мы не в силах спасти каждую шлюху, которая дает себя одурачить. – На его губах появилась вежливая улыбка.

Дипа пристально смотрела на него, выражение ее лица оставалось нейтральным, и это больше всего нервировало Самшера. Он опустил взгляд на свои ботинки, и тут она снова заговорила:

– Я понимаю. Но что вы можете сделать, офицер, так это принять заявление от меня, Дипы Мархатты, проживающей по адресу: 4В/1, Бэллигандж Серкьюлар Роуд, Калькутта 700019. Я сообщаю о том, что мисс Мохамайя Мондол двадцати восьми лет, близко мне знакомая, была убита неизвестным лицом или лицами в прошлую пятницу, третьего июня, в «Голубом лотосе» в Сонагачи. Ей разбили лицо бутылкой с карболовой кислотой, которую она хранила в своей ванной, а склянку запихнули в горло. Она умерла в результате намеренно нанесенных ран. – Пауза. – А теперь, пожалуйста, сообразоволяйте записать мои показания и передать мне копию протокола.

Самшер снова крутанулся в кресле, оглядел свой кабинет, как загнанный в угол зверь, поднял руки вверх и сказал:

– Что ж, мадам, мы к вашим услугам. Мы здесь только для того, чтобы защитить вас. – Он слегка приподнялся и, осмотревшись по сторонам, крикнул: – Эй, Балок-да! Отведи мадам к Наскару и примите от нее заявление, хорошо?

Дипа напоследок улыбнулась Самшеру. Он знал, что улыбка неискренняя, льстивая, но при этом еще и снисходительная. Женщина протянула ему руку, что озадачило Самшера, и он замер на мгновение, прежде чем догадался, что от него ждут рукопожатия.

– Рада познакомиться с вами, офицер. Хорошего дня.

Самшер покачался в кресле взад-вперед, словно проверяя на скрипучесть. Настроение было напрочь испорчено этой неприятной встречей. Да, это правда, что в полиции знали об убийстве. Но чего они ожидали лично от него? Что он по собственной воле ринется в бой – спасти общество от разорения и несправедливости? Когда начнут искать виновных, тогда и обратятся к девушкам из квартала красных фонарей. Не зря же их согнали в один анклав, в эти «плавающие города», где они могут жить среди своих и не мешать нормальным людям. «И я должен быть их гребаным хранителем?» – с горечью подумал Самшер.

Он ущипнул себя за переносицу, помассировал виски костяшками пальцев. Вдруг захотелось позвонить жене, послать за ней полицейский джип, отвезти ее в кафе «Митра» на послеобеденный чай и рыбный кобираджи, а потом вместе прокатиться на джипе вдоль Ганга. Он купил бы ей мороженое, и они посидели бы рядышком на берегу, держась за руки. Но у жены не было мобильного – мать запрещала, – и к домашнему телефону ей тоже не разрешали подходить. Мать всегда была начеку, как будто только она одна стояла барьером между нормами морали и полным разрушением домашнего порядка. Самшер вздохнул – вечер с женой не стоил того, чтобы ходить на цыпочках под прицелом молчаливого кипящего гнева матери.

Балок Гхош просунул голову в дверь и спросил, не хочет ли он чашку чая. Самшер кивнул, уставившись на путаницу электрических проводов и ворон за окном.

Глава 13

Лали собирала вещи, аккуратно укладывая одежду на дно больших полиэтиленовых мешков за неимением другой тары. Она подумывала о том, чтобы пойти и попросить у кого-то из девушек чемодан или хотя бы багажную сумку. Но потом решила, что обойдется: не хотела отвечать на вопросы или вызывать любопытство, особенно когда не знала, чего ожидать. Она села на кровать, бросив на пол сложенную блузку, которую держала в руке. По сути, она заключила сделку с мадам Шефали – сделку, не прописанную на бумаге и даже не изложенную в общих чертах.

Она оглядела комнату с разбросанными повсюду вещами и почувствовала, как надвигается опустошенность. Тяжело отказываться от своего угла, где ты сама себе хозяйка. Жилье обходилось ей недешево и кишело тараканами, но она долго шла к тому, чтобы позволить себе собственные четыре стены. Иногда казалось, что комната медленно высасывает из нее душу, требуя ежемесячных вложений, и Лали трудилась как проклятая, зарабатывая на содержание места, из которого хотела сбежать. И все же это была ее собственность. Единственная вещь в мире, которая по-настоящему принадлежала ей. Комната придавала ей смелости, дарила возможность закрыться от мира. Многие женщины так же относились к здешней жизни. Что и говорить, всем жилось несладко, но случались у них и хорошие минуты, и, несмотря ни на что, эта жизнь принадлежала им. В такие моменты, как этот, Лали почти понимала Малини с ее суровой одержимостью и стремлением к справедливости.

Лали остановилась перед свежеразкрашенной дверью в частных апартаментах мадам Шефали «наверху», как она их мысленно называла, и на мгновение заколебалась, затем с чувством, средним между мстительностью и бессильным отчаянием, распахнула дверь с такой силой, что та ударилась о стенку. Бросила свои полиэтиленовые пакеты на девственно-чистую кровать. Чинту провел ее через роскошную гостиную в маленькую спальню. Она заметила, что дверь запирается изнутри. Сама дверь тяжелая, покрашенная в темно-красный цвет. Широкая двуспальная кровать занимала внушительную часть пространства. Застеленная красивым молочно-белым бельем, она разительно отличалась от убогой шаткой кровати с дешевыми набивными хлопчатобумажными простынями, на которых Лали провела большую часть своей жизни. Пол сверкал, и в комнате разливался слабый цветочный аромат. Новый кондиционер был установлен прямо над кроватью.

Поначалу, прорвавшись сквозь туман необъяснимой беспомощности, Лали почувствовала прилив облегчения, как если бы прошагала много миль по невыносимой жаре в разгар лета и вдруг кто-то притормозил рядом с ней в машине с кондиционером, предлагая погрузиться в сладостную прохладу. Но она знала мадам Шефали, как знала и это место. Она видела, как девушки отчаянно хватались за внезапную удачу, обещание замужества, признание в любви, внимание богатого бабу, который оплачивал бы аренду, что избавляло от необходимости стоять на улице. Такая щедрость судьбы была недолгой, и Лали давно усвоила, что несбывшиеся надежды быют сильнее, чем меняющиеся обстоятельства. Или, может, она просто утратила веру

в лучшее. Что-то, в конце концов, приходилось отдавать. Надежда не годилась как стратегия выживания в Сонагачи.

Лали подумала, что надо бы распаковать багаж. Одежды оказалось гораздо больше, чем она предполагала, – вещи выползали из всех щелей, словно крысы, стоило ей приступить к сортировке. Она выгрузила кое-что из мешков и прошлась по комнате, прижимая к груди ворох дешевого тряпья. Одежда как будто шептала, что ей не место в этих хоромах. Здесь не было ни комодов, ни металлических шкафов, да даже стального сундука.

Она выглянула в коридор, надеясь найти кого-нибудь и спросить, куда можно сложить одежду. Чинту, стоявший снаружи, сказал, что ее ожидает машина.

– Где? – спросила она.

Чинту пошел вперед, и Лали последовала за ним к черному седану. Села в машину, закрыла за собой дверь и смотрела сквозь темные окна в морозном от кондиционера воздухе, как мимо медленно проплывает город, утопающий в вязком кровавом мареве.

За столиком в ресторане Лали медленно и без видимого смущения огляделась по сторонам. Темно-красные стены, резные китайские драконы, изумрудные кабинки, тут и там искусственные бамбуковые деревья. Рэмбо Майти сидел напротив нее, а рядом с ним – незнакомая женщина европейской наружности. Оба склонили головы над экраном телефона. Рэмбо будто бы и не замечал Лали. Она наблюдала за его лицом, когда он слегка заискивающе рассмеялся в ответ на слова своей соседки. Лали оценила ее длинные золотистые волосы, темно-коричневые у корней, что усиливало яркость основного тона. Вспомнилось, как она сама красила волосы, а краску обычно покупала Мохамаяя. Запах сохранялся в волосах в течение нескольких дней – приторный аромат фруктов, смешанный с какой-то едкой химией. Свет скользил по волосам незнакомки, падая с ее плеч на грудь. У блондинки вырывались какие-то бессвязные фразы вроде «нет, только не это, Рэмбо, дорогой» и «да, мне это нравится», когда его большой палец пролистывал что-то в телефоне. Лали чувствовала себя одновременно игнорируемой и выставленной на всеобщее обозрение. Наконец она встала, прижимая к себе сумочку как оружие. Не обращая внимания на блондинку, которая уставилась на нее с полуулыбкой, она заговорила с Рэмбо:

– Зачем я здесь?

Рэмбо положил телефон на стол, и Лали бросила быстрый взгляд на фотографию женщины на экране. Рэмбо ухмыльнулся, подозвал официанта и, не дожидаясь согласия Лали, заказал две водки с клюквенным соком. Когда принесли напитки, пододвинул один бокал к Лали.

– Что это? – спросила она.

– Просто водка с соком – ты что, раньше не пила?

– Я не об этом, я имею в виду... все это... – Лали жестом обвела вокруг себя. – Что происходит?

Рэмбо улыбнулся:

– Мадам сказала, что тебе нужны деньги. – Рэмбо наклонился над красным столом, протягивая руку к миске с соленым арахисом. – Это твоя пробная ночь. Давай посмотрим, справишься ли ты, – приподнял он бровь.

Лали села. Она нечасто выходила из Сонагачи, но случалось. Скажем, завсегда тай запрашивал визит на дом или хороший клиент искал компанию для друга. Но все это происходило по-тихому. Она тайно проникала в чужие дома, тенью проскальзывала в уважаемые кварталы. Лали никогда не бывала в таких местах, как это.

Рэмбо посмотрел на свою спутницу. Та повернулась к Лали и вытянула правую руку.

– Это Шака, – Рэмбо улыбнулся Лали. – Она русская. Знаешь, сколько берет за ночь? Семьдесят тысяч!

Лали с удивлением отметила, что он рассмеялся с неподдельным ликованием, словно это было его личным достижением.

Блондинка нахмурилась. Но уже в следующее мгновение игриво подтолкнула Рэмбо и оперлась на его плечо, приобняв сутенера вялой костлявой рукой. Однако от Лали не ускользнуло мимолетное недовольство, промелькнувшее на ее лице. Выходит, она не одинока в своей неприязни к Рэмбо.

– О, ты думаешь, что все кругом русские, Рэмбо, дорогой. Потому что не сможешь назвать никакую другую страну даже под дулом пистолета, – произнесла блондинка со странным акцентом и повернулась к Лали: – Зови меня просто Соня. В любом случае я здесь танцую под именем Жасмин. – Она откинула волосы за плечи, наклонилась и подтянула свою сумочку к столу. Затем, как будто спохватившись, спросила: – Ты голодна? Тут подают очень вкусное чили с молодой кукурузой.

Лали отрицательно покачала головой:

– Я не взяла с собой денег.

– Об этом не беспокойся.

Рэмбо обернулся и поманил мужчину средних лет в белом халате, подпоясанном камербандом³⁰, и в красно-белом тюрбане. В жесте Рэмбо сквозило явное пренебрежение. Лали окинула официанта взглядом, выискивая на его лице следы неудовольствия. Но тот с бесстрастным видом медленно направился к их столику.

Соня сделала заказ:

– Чили с молодой кукурузой и жареная свинина. – Повернулась к Рэмбо и подмигнула.

Когда официант удалился в глубь ресторана, Соня достала из сумочки продолговатую коробочку и положила перед Лали. Та открыла коробку и извлекла гладкий прямоугольный предмет из хрома и стекла. Смартфон.

– Включи, – сказал Рэмбо.

Смартфон ожил. Дисплей был усеян окошками приложений. Лали повертела трубку в руке и заметила несколько вмятин и царапин на корпусе.

Соня поднялась, встала у Лали за спиной и принялась объяснять основы работы гаджета.

Лали достала из сумочки собственный потрепанный мобильник. Длинная трещина пересекала его экран по диагонали.

– Я в курсе, что такое сотовый телефон, – огрызнулась она.

Соня вскинула руки и попятилась назад, изображая ужас:

– О, тогда прошу прощения, но я сомневаюсь, что ты раньше пользовалась каким-либо приложением. Позволь мне объяснить: это телефон для связи с клиентами. Мы установим соединение, и сервис будет выдавать номер клиентам. Но что еще важнее, на телефон будут поступать деньги. Как ты думаешь, почему твоя подруга Майя процветала, когда вам приходилось отказывать клиентам с банкнотами в пятьсот и тысячу рупий, а? Она годами зарабатывала через телефон. Умница, все быстро схватывала.

---

³⁰ Камербанд – предмет мужского гардероба; представляет собой широкий пояс, который носят на талии, часто вместе с пиджаком.

При упоминании имени Майи у Лали защемило сердце. В ошеломленном молчании она слушала Соню, пока та открывала приложения и объясняла, как работают мобильные кошельки.

– Как только заказ будет подтвержден, клиент или сервис переведут деньги на твой электронный кошелек, понятно? Ты сможешь увидеть здесь поступление средств. А контактные номера и место встречи передаются в Ватсап, усекала?

Лали кивнула, совершенно не понимая, как могут быть реальными деньги, если их нельзя пощупать. Ее взгляд метался между Рэмбо и Соней – оба в один голос продолжали настаивать на том, что деньги настоящие и она сможет перевести их на свой банковский счет, покупать на них еду и даже заплатить мадам Шефали ее долю. Слушая их, Лали задавалась вопросом, сколько раз эти двое вот так же обрабатывали других женщин. Она подумала о старике, который каждую среду утром привозил овощи в деревянной тележке, – интересно, примет ли он оплату виртуальными деньгами?

Соня все говорила, а Лали по-прежнему пыталась распознать ее мелодичный акцент и понять смысл английских слов, которыми она сыпала.

– Майя и некоторые другие девушки имели при себе мобильные терминалы для приема платежей по карте. В наши дни никто не носит с собой столько кэша. А как, по-твоему, им удавалось так много зарабатывать? Цифровое лучше физического, всегда помни об этом. В любом случае после сегодняшнего вечера все станет намного яснее.

Рэмбо выложил на стол небольшой полиэтиленовый пакет и подтолкнул его к Лали:

– Там платье и еще кое-что.

Лали нахмурилась:

– Что именно?

Рэмбо неопределенно взмахнул руками:

– Гель для умывания, губная помада... всякие девчачьи штучки.

Соня и Рэмбо перегнулись через стол и вперились в нее глазами. Их лица были полны энтузиазма, но Лали показалось, что в них проступала и некоторая тревога.

Рэмбо поднял правую руку и щелкнул пальцами. Лали посмотрела на человека в выцветшей ливрее, который незаметно появился рядом с ней. Выражение его лица оставалось бесстрастным, как если бы Лали не заслуживала и взгляда. Он провел Лали в туалетную комнату и молча включил свет. Ни слова не говоря, закрыл за собой дверь и вышел.

Она оглядела замызганную комнату. Флуоресцентная лампа осветила бледно-зеленые стены, и пара тараканов выскочила из тени. В дальнем углу стоял унитаз. Над старым умывальником в мутных разводах от воды висело гигантское зеркало, в котором Лали увидела свое пятнистое отражение.

В пакете лежало черное платье. Оно было теплым на ощупь, как будто его только что сняли с чьего-то тела. Лали поднесла платье к носу. Пахнуло несвежими духами, пряным цветочным ароматом, смешанным с застарелым запахом никотина. В отдельном мешочке она обнаружила набор разношерстной косметики, средство для умывания, флакончик духов и несколько пакетиков с презервативами. Лали положила новый смартфон на раковину, затем, поколебавшись, убрала его обратно в сумочку и застегнула молнию.

Когда она вернулась в зал, на ходу одергивая предательски короткое платье, Соня и Рэмбо что-то напряженно обсуждали. Их головы почти соприкасались, так что со стороны они выглядели как парочка на свидании. Некоторые посетители ресторана открыто пялились на Соню, но обслуга не обращала ни на нее, ни на Рэмбо никакого внимания. Лали слегка удивилась, когда увидела небольшой помост в форме полукруга. Несколько мужчин, явно не официанты, расставляли вокруг сцены букеты искусственных желтых цветов. Рэмбо и Соня встали из-за стола, когда Лали подошла к ним. Рэмбо жестом пригласил женщин следовать за ним и направился к двери.

Глава 14

Тилу стоял под дверью Лали, быстро моргая и вытирая пот со лба. Все та же голубая железная дверь с кое-где облупившейся краской в обрамлении поросшей мхом стены была оставлена чуть приоткрытой. Мальчик, не старше пяти-шести лет, выглянул из-за двери и уставился на него во все глаза. Тилу смог разглядеть женщину внутри – она раскладывала одежду, свободной рукой отмахиваясь от еще одного назойливого ребенка.

Женщина почувствовала, что на нее смотрят, и подошла к двери:

– Что вам нужно? Магазин еще закрыт. – Она ухмыльнулась, оттаскивая мальчика от двери.

– Лали? – пробормотал Тилу, вытирая лоб носовым платком.

Женщина скривила губы в отвращении:

– Лали здесь больше нет – ушла.

Она вернулась в комнату, увлекая за собой обоих детей, которые снова таращились на Тилу.

Тилу знал, что должен уйти, но не мог найти в себе сил, не понимая, что ему делать дальше. Женщина, хозяйничавшая в этой до боли знакомой комнате, где еще несколько дней назад жила Лали, где разыгрывался его грандиозный роман, искоса смотрела на него.

Во дворе его окликнул чей-то голос. Чувствуя себя неловко в царящей вокруг суматохе, он не сразу догадался, что кричат ему. Амина подошла сзади, похлопала Тилу по плечу, и он вздрогнул от ее прикосновения.

– Ты – бабу Лали, верно? – спросила она.

Ох, если бы, подумал Тилу. Больше всего на свете он хотел, чтобы Лали принадлежала ему одному и делила постель только с ним. Однако реальность выглядела иначе, хотя ему нравилось тешить себя иллюзиями. Лали была ему не по карману, да она и не хотела быть с ним, но мысль о том, что кто-то, возможно, находит его достойным мужчиной, вызвала улыбку на его лице.

– Да, это я, – с готовностью согласился он.

– Лали тебе не сказала? – Амина нахмурилась. – Она здесь больше не живет.

Сердце оборвалось. Несомненно, это связано с тем убийством, и Лали в опасности, иначе зачем бы ей исчезать?

– Куда ее забрали? – прошипел Тилу, дрожа от волнения, страха и непривычной смелости.

Амина пристально посмотрела на него и придвинулась ближе. Любой, кто наблюдал за ними, подумал бы, что Тилу – клиент и Амина пытается его соблазнить. Она вцепилась ему в плечо и прошептала на ухо:

– Забрали? Что ты имеешь в виду? Она просто работает на выезде.

Девушка окинула Тилу беглым взглядом – его выцветшую застиранную куртку, щетину с проблесками седины, дешевые очки.

– Она будет брать намного больше. – Амина показала на верхние этажи. – Там обслуживают... клиентов высокого ранга.

Тилу недоуменно посмотрел на нее. Он совершенно растерялся, но в затуманенном мозгу постепенно всплывали смутные предчувствия.

– Где Лали? Мне нужно ее увидеть.

Амина огляделась по сторонам, делая вид, будто ее рассмешили слова Тилу:

– Позвони ей, если хочешь. Но потянешь ли ты ее услуги? Она уедет на некоторое время. Она тебе об этом рассказывала?

Девушка повернулась, чтобы уйти, но Тилу схватил ее за руку, отчаянно нуждаясь в ответах.

– Я не думаю, что тебе стоит возвращаться сюда, – сказала она.

Тилу бросился прочь от «Голубого лотоса», прикрывая лицо носовым платком. Какое-то время он бесцельно брел по улице. Он больше не понимал самого себя; мириады чувств, о существовании некоторых он даже не подозревал, обуревали его, удручая своей навязчивостью. Никогда в жизни он не ощущал себя таким беспомощным, таким ущербным. Если бы ему довелось снова увидеть Лали, он, наверное, и не нашелся бы что ей сказать. А сказать хотелось так много, только вот мало что он мог сформулировать или даже осмыслить. Он даже не мог объяснить, почему испугался. Тилу знал и любил Лали из Сонагачи. Останется ли она прежней Лали в других декорациях?

И тут до него дошло: эти длинные сигареты, повышенные тарифы, новая твердость во взгляде – она медленно отдалялась от него, превращаясь в кого-то совсем незнакомого.

Глава 15

Тилу посмотрел на серое небо над головой. Высотные здания, расцвеченные световыми экранами, мерцали ярче звезд в этом удушливом городе. Он так и стоял задрав голову, пока не заныла шея, а спешащие прохожие не надавали ему тумачков, негодуя вслух, с каких это пор сумасшедшим разрешено слоняться по улицам в час пик.

Парк-стрит когда-то называлась Кладбищенской дорогой, и там располагался Олений парк, созданный сэром Элайджей Импи, первым в истории главным судьей Верховного суда Калькутты. Немногие знали об этом, но Тилу знал. Ожидая душного поезда метро в пещерной пустоте Центрального вокзала, Тилу испытывал такой же трепет, как в те времена, когда подростком сбегал от постылой серости родного дома в Северной Калькутте на просторы Сахэб Пара. Небо здесь казалось голубее, смог ароматнее; женщины и огни, улицы и запахи еды – тайный, манящий мир открывал перед ним свои двери. Теперь, лысеющий и прихрамывающий, он все еще чувствовал дух своего юношеского желания, витающий среди этих лощеных кварталов, таких далеких и чуждых родительской халупе из сырцового кирпича. Эти места олицетворяли для него великий соблазн непрожитой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.